

Библиотека
журнала
ЦК ВЛКСМ

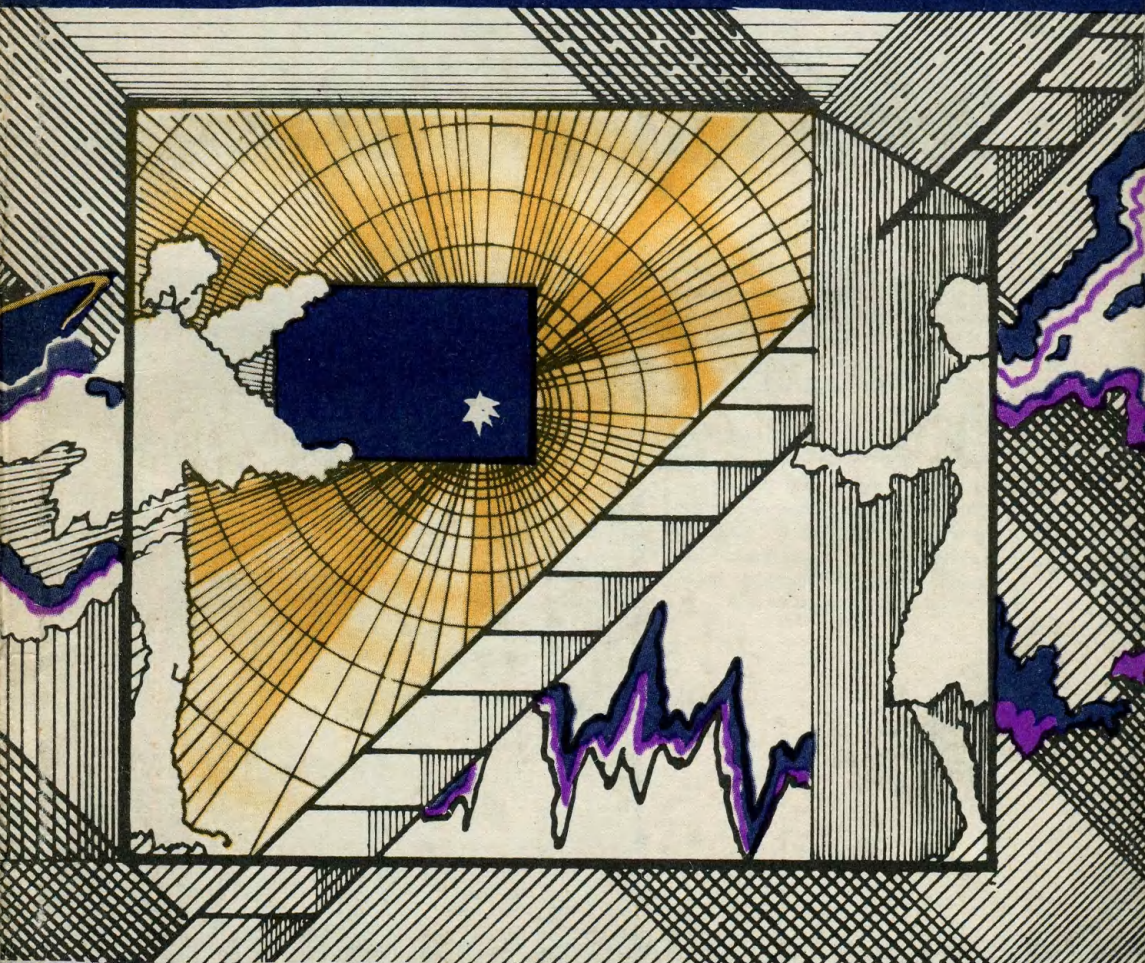

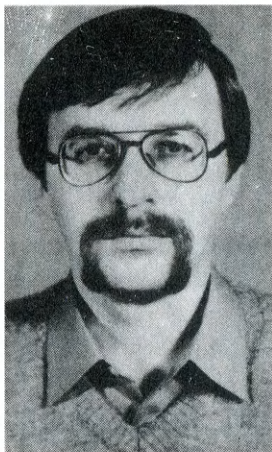
**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ**

1988

Евгений ФИЛЕНКО

ЗВЕЗДНОЕ ЭХО

Евгений Иванович ФИЛЕНКО родился в 1954 году в городе Перми. Окончил Пермский государственный университет. Работает программистом на вычислительном центре областного управления Промстройбанка СССР.

Рассказы и повести Е. Филенко публиковались в журналах «Вокруг света», «Студенческий меридиан», «Уральский следопыт», «Даугава» и других, а также в коллективных сборниках фантастики и приключений.

Писательский талант состоит, видимо, в умении выделить из непрерывного потока жизни сюжет с началом и концом, суметь освободить его от случайного и постороннего для главной мысли, придать частным обстоятельствам всеобщую значимость, высказать своим реалистическим повествованием или фантастической выдумкой свою оценку жизни. Ведь все мы живем, все кое-что знаем, но не у каждого есть умение изложить свое знание средствами искусства, то есть образами. Евгений Филенко может делать это достаточно убедительно.

Язык автора богат ассоциациями, в нем естественно соединяются ирония и задушевность, бытовая речь и научная терминология.

В мягкой, ненавязчивой манере произведения Е. Филенко твердо заявляют, за что стоит и против чего выступает автор. Плоть его прозы такова, что, не нарушая общей спокойной тональности в изображении сегодняшнего мирного дня, она доказывает вместе с тем, что и сейчас (может быть, как никогда за последние десять-пятнадцать лет) драма решения не отменяется, поиск самореализации насущен, общественное действие необходимо. Отсюда возникает то важное, что способно давать искусство, — нравственная матрица, которую читатель, закрывший последнюю страницу, сможет впоследствии приложить к ситуациям иного масштаба и иного толка.

Север ГАНСОВСКИЙ

Библиотека
журнала
ЦК ВЛКСМ

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ

1988

Евгений
Филенко

Звездное
ЭХО

*Фантастические повести
и рассказы*

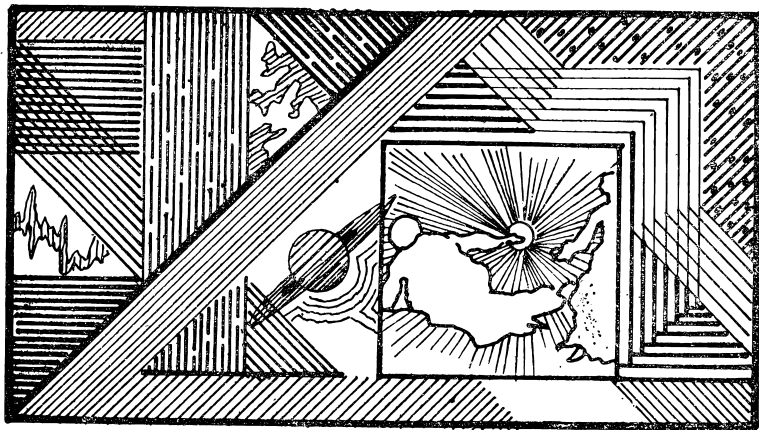
Москва
«Молодая гвардия»
1988

Художник Валерий ЗАВЬЯЛОВ

Адрес редакции: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а

© **Издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ**
«Молодая гвардия»
Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1988 г.
№ 51 (365)

Выпуск произведений в «Библиотеке журнала ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия» приравнивается к журнальной публикации

ЭТИ ДВОЕ

1

Пирогову приснился сон. И все бы ладно, только сон был цветной. От неожиданности Пирогов тут же проснулся, сел, ошалоело крутя головой и стараясь припомнить, что же ему такое привиделось. Но в памяти застряли какие-то невнятные образы, лица. На земле он, разумеется, видел сны. Но все они были черно-белые. Одно время Пирогов даже гордился этим обстоятельством, выделявшим его среди прочих смертных. Потом ему сказали, что это свидетельствует лишь о недостатке воображения, и он перестал гордиться своими снами.

Разобравшись в ощущениях, Пирогов пошарил вокруг себя. Оказалось, что он прикорнул в приборном отсеке. Ноги упирались в кожух метеоритного локатора, голова до пробуждения покоилась на генераторе защитных полей. Оба прибора не работали. Они подвели Пирогова еще в пространстве, иначе не куковал бы

он сейчас на планетолете, который после посадки больше чем наполовину состоял из запасных частей к самому себе.

Пирогов посмотрел на светящийся циферблат наручных часов. Была половина шестого, но это ни о чем не говорило. Часы шли по-земному и показывали ранний вечер. «Татьяна уже вернулась с работы,— подумал Пирогов.— Сейчас плещется в ванне». Он тут же помечтал о горячей ванне. В конце концов он был еогласен даже на душ.

В планетолете, разумеется, некогда был душ. Теперь на его месте красовалась пробоина. Через бытовой отсек малым ходом вошел камень два метра на три и без особой задержки вышел через энергоагрегаты. Судьба хранила Пирогова от неминуемой гибели: за десять минут до randeву с камнем она увела его в шлюз-камеру на профилактическую подзарядку скафандра. Едва только Пирогов осознал, что планетолет неспешно превращается в крупноячеистое сито, как он тотчас побил все личные рекорды по надеванию скафандра. Жаль только, что это его достижение некому было оценить по достоинству.

Метеоритная защита не сработала. Чтобы подложить Пирогову свинью, она избрала один-единственный участок трассы, который приходился на задворки Пояса Астероидов. Теперь гряда хлама, обозначавшая собой останки грузового планетолета, тихо лежала на ребристой поверхности какого-то небесного тела, угодив носовой частью в застарелую трещину, и сквозь стены почти всех отсеков были видны звезды и планеты. В том числе и Земля — яркая точка на черном небосводе, сильно отливавшая голубым.

Пирогов не стал включать фонарь из соображений экономии. Ресурсов у него оставалось всего ничего — спасибо тому камню. Воздух удержался только в незадетом приборном отсеке и в регенерационной камере, и если за несколько суток не удастся наладить воспроизводство воздуха и воды — крышка. Что касается пищи, то грузовой отсек побит несильно, только промерз и обезвоздушел, и при желании туда можно проникнуть. Пирогов был сейчас на положении Робинзона. Однако тому повезло не в пример больше: он не сталкивался с проблемой дефицита воды и воздуха. «На астероид бы тебя, дружок»,— беззлобно подумал Пирогов.

Самое странное заключалось в том, что он искренне не верил в свою гибель. Умом понимал, что нет у него ни единого шанса выжить. А все ж таки надеялся.

Пирогов снова пристроился на генераторе и закрыл глаза. Он представил себе Таню. Как она просыпается от нудного стрекотания будильника, долго колотит ладошкой вокруг да около, пока не угадает по кнопке. Проходит еще минут пять, и она вспоминает, что уже утро и пора идти в бюро. Чтобы осознать это, необходимо еще какое-то время, и вот у Татьяны не остается ни секундошки на то, чтобы толком, с аппетитом, позавтракать. Все на бегу. Вся жизнь у нее бегом, и некогда ей остановиться, оглядеться, вспомнить о человеке, который следует за ней неотвязной тенью по всей ее жизни, начиная чуть ли не с детского сада.

Чуть заостренное, как у лисички, лицо. Неровный загар и облезший носик, что не выдерживает прямых солнечных лучей ни в какой дозе. Встрепанная прическа, хитрющий взгляд серых глаз, рубиновые капельки-сережки в ушах...

Пирогов резко оторвал голову от генератора и снова сел. Он внезапно понял, что ему снилась Таня.

2

Голосок будильника. Ванная. Трюмо со всякой там косметикой. Ступеньки лестницы, миллион раз считанные-пересчитанные, в том числе и затылком — в глубоком детстве, — двадцать шесть ступенек вниз. Метро. Двери корпуса. Двери бюро. Двери кафе. Стрелка часов, безобразно медленно ползущая к четырем. Строгий взгляд шефа: «Спешите домой, Татьяна Петровна, а в среду расчет за вас А. С. Пушкин пойдет сдавать? Мы в ваши годы работу на полстранице не бросали...» И опять всевозможные двери, и двери, и двери.

А его нет. Нет и уже не будет.

Вчера приходил Одинцов. Долго топтался в прихожей, одним своим видом нагнетая какие-то смутные предчувствия. Невыноси-

мо долго оправлял неуместно торжественный свой костюм, даже полез в карман за расческой. Махнул рукой и, по застарелой космической привычке пригibas голову, прошел в комнаты. Поздоровался с притихшей от беспочвенных подозрений бабушкой Полей. Замолчал, рыская затравленным взглядом по стенам, расписанным дурацкими цветочками да золотыми рыбками.

— Не специалист я в таких делах, Татьяна Петровна, впервые это у меня.— Вот напасть, все словно сговорились нынче называть ее по имени-отчеству! А ведь чего, казалось бы, проще: Танюша, Танечка.— В общем... Никто меня, конечно, к вам не посылал. Не к вам я шел. К матери Алешки Пирогова я шел, меня начальник лунной базы попросил по старой дружбе. Но Пирог... Алексей был дружен с вами. Фотографию вашу, чудак, в удостоверении таскал. Потом, правда, потерял. Я подумал, что вам тоже следует все знать.

— Да что случилось наконец?

— Пропал он. Не вышел в точку пеленгации после Пояса Астероидов. И вспышку там видели. Три дня искали, да разве найдешь? Легче иголку в стоге сена... Пойду я, Татьяна Петровна. Мне еще к матери его зайти надо. Сегодня поиски прекращены, завтра передадут официальное сообщение. Завтра к Алешкиной матери шеф-пилот пойдет.

Вот и все.

И слез нет — неоткуда им взяться, когда лицо горит и глаза от жара пересохли. И некуда уйти, спрятаться. Все валится из рук. Хотела позвонить Андрею — и содрогнулась от отвращения к самой себе. Это что же? Андрей примется утешать, придет, начнет гладить по голове, ласково, как маленького ребенка; привлечет к себе. Потом она забудет об Алешке, утешится. А он в это время лежит в разбитом корабле, искалеченный, мертвый, совершенно один, а вокруг пустота и холод.

Пять раз он предлагал ей стать его женой. И пять раз она его высмеяла. Первый раз — после школы. А ей захотелось немного подышать свободой. Второй раз — в институте, но она к свободе привыкла и увлеклась другим, тот был спортсмен, член олимпийской сборной, здорово танцевал и пел. Затем последовали

новые увлечения, последнее из которых — Андрей, киноактер на героические роли: разведчиков, космонавтов. Еще одно предложение состоялось месяц назад. Но оно пришлось на кульминацию очередного романа. Она обещала подумать, а наутро укатила на всю неделю к Андрею на дачу. Вернулась, а среди почты открытка: «Улетел на лунную базу. Оттуда в рейс. Ну и статуя же ты!» Почему, собственно, статуя? На что же он рассчитывал? Детство кончилось, школа позабыта, разошлись пути-дорожки! И был-то у них один только поцелуй — когда она училась в выпускном классе, а он уезжал куда-то на практику. Но это же не повод всю жизнь преследовать своими ухаживаниями в стиле провинциального ретро!

Теперь всему этому пришел конец. Долгожданный! Шестого предложения не будет. Но и облегчения нет. Пусто и горько на душе. Хочется пореветь, а слезы никак не идут. И сон не идет. Сердце болит — отчего? Раскаяние, запоздалые угрызения совести? Но она ни в чем ни перед кем не виновата!

В первом часу ночи, оглохшая от тоски, она уснула-таки. Прямо в халатике, свернувшись клубочком на диване. Ей приснился сон, будто бы совсем рядом, протяни руку и дотронешься, в неловкой позе лежит Алексей Пирогов. Он в скафандре, как на фотографии, что валяется в письменном столе под старыми журналами мод. И видно его лицо, но непонятно, жив он или мертв. Глаза по крайней мере закрыты.

3

Конечно же, его искали. Долго искали, прочесали всю трассу, по сторонам пошарили. А рыскать в Поясе Астероидов занятие неблагодарное. Здесь не то что рейсовый грузовик — целая эскадра затеряется. Никому и невдомек, что от скулового удара заклинило половину двигателей, потом сжатым выхлопом разнесло в клочья, и планетолет закрутился, как волчок. И долго еще волкли его куда-то уцелевшие движки, покуда их не срубило к дьяволу. То, что сохранилось от корпуса, вошло в поле тяготения

этой планетки — может быть, у нее даже имя есть — и нежно прилегло на ее груди.

Пирогов продолжал сопротивляться.

Вручную почистил систему аккумуляции, трижды плюнул через левое плечо и соединил контакты. Разряд пришелся в палец, хорошо — рука была в перчатке, — а тумблерная панель взялась разводами от перекала, пластиковые детали выгорели начисто. Пирогов подумал: не бросить ли ему все как есть, надежды-то никакой. Только разозлился от этой мысли, своротил панель, закоротил что можно и нельзя, изолировал два, только два вывода и свел их воедино. Заискрило, ток есть, поступает снаружи! Солнце здесь небогато, но жить, как выяснилось, можно. Внутренне содрогаясь, прошелся еще по одной схеме. Безжалостно сдирал изоляцию, развинчивал обшивку стен, взламывал интегральные схемы. И в результате к исходу дня у него возникло освещение в приборном отсеке и два рабочих щитка в грузовом. Первым делом он побрился, затем разогрел себе на ужин консервы и вскипятил в закрытой тубе какао. Прикинул на глаз — воды оставалось еще на трое суток. Если затянуть ремень, то хватит и на неделю. Если же за это время он не восстановит систему жизнеобеспечения, то смело может выйти на поверхность планетки и открыть гермошлем. А там — что вперед: абсолютный нуль или декомпрессия.

Время, время, время... Цейтнот.

«Ох, мне бы сейчас Танюшкины заботы», — как всегда, безотнositельно к чему-либо, подумал Пирогов. У нее одна забота — не опоздать в бюро, а там хоть трава не расти. Поболтать с подружками о нарядах, о гастролях африканского джаз-рок-пульса, покурить в коридоре под испепеляющим взглядом ретроградшефа. Пойти в кафе в обеденный перерыв — и опоздать на полчаса к его окончанию. Опоздать после работы на свидание с этим лицедеем. Опоздать в театр, махнуть на все рукой и пойти на целый вечер, а то и ночь, в дискобанк... Или: прийти домой на радость бабушке и проваляться до полуночи на диване, закинув руки за голову и лениво следя за переливами световых абстракций видеобага под самую что ни на есть ультрамодную музыку.

Ну куда ей, скажите на милость, спешить, когда впереди еще такая необозримая жизнь, а молодость кажется бесконечной?

Может быть, оттого и не принимала она Пирогова всерьез, что он спешил жить, на совесть отработывал каждый дарованный судьбой час. И не потому он так поступал, что все вокруг заняты тем же самым, а потому, что иначе нельзя. Иначе прогресс человечества застопорится. Парадокс стрекозы и муравья. Может ли стрекоза полюбить муравья?.. Чушь какая-то.

Что он сделал не так? Почему не смог завоевать ее переменчивое сердечко? Или же он все сделал не так? Всю жизнь прожил не так и не для того? Ну, поцеловал, уезжая на практику. Если только можно назвать поцелуем короткий толчок плотно сжатых губ, сопровождаемый паническим зажмуриванием глаз. Писал раз в неделю, а перед глазами все стоял ее задиристый профиль: «Ну и теленок же ты, Пирожок!» И разумеется, от пяти предложений Тане стать его женой, встреченных с юмором, соответствующим ситуации, прогресс человечества вперед не припустит. Все ее спортсмены, музыканты и актеры тем и отличались от него, что не донимали ее никакими далеко идущими предложениями, не навязывали себя навечно. Они старательно играли свои партии в некоем водевиле, где Танюша была бенефицианткой: сколько таких девчонок еще встретится на их пути, и сколько таких «артистов» повстречается ей после того, как они расстанутся, перекинувшись на прощанье парой ничего не значащих, ни к чему не обязывающих фраз?

Что говорил по этому поводу Сережка, друг до гробовой доски? «Ну, сосватаешь ты ее. Доконаешь своими чугунными признаниями. Так ведь Татьяне твоей будет и свадьба не в свадьбу, если она меня не заставит забыть, кто из нас двоих — ее жених. Ейazole одного мужчины скучно. Понимаешь, дубина ты, скучно! Ей сам по себе факт интересен, что мужиков много и все они разные. Разве это человек? Так... Бабочка-поденка». Пирогов, помнится, призадумался, побить ли ему Сергея или выждать. Тот моментально уловил его колебания: «Я, твой друг, тем и хорош, что ты мне вломишь, но я тебя пойму и прошу. А она тебе твоего десятилетней давности объяснения простить не может!»

Пирогов допил какао, поймал ртом случайно выскочившие из тубы и теперь медленно планировавшие на пол капли и прилег на свое спартанское ложе. Поворочавшись, протянул руку и погасил свет.

Едва только он закрыл глаза, как увидел Таню. Еще бы, все мысли о ней одной! Таня сидела с ногами в глубоком кресле с выгнутой спинкой. Нахохлившись, с распухшими глазами. Пальцы медленно перебирали бахрому цветастой цыганской шали, брошенной на плечи. Горел торшер. «Удивительно,— подумал Пирогов.— Откуда мне знать, что у нее в комнате? Я же не бывал там дальше порога».

Их взгляды встретились. Снявшаяся Таня изумилась. Растерялась. Губы ее дрогнули в неуверенной улыбке: «Алешка?..»

«Это был хороший сон,— думал Пирогов, погружаясь в забытие.— Только почему она плакала?»

4

Наутро Татьяна не пошла в бюро. Связалась с шефом, сказала больной. Шеф на экране видеофона свирепо безмолствовал, но вид у Тани и впрямь был нездоровый. «Надо лечиться,— наконец вымолвил шеф.— И курить поменьше». Сухо кивнул и растаял в сиреновом мерцании экрана.

Бабушка Поля хлопотала у плиты. Плита была сама по себе, бабушка тоже. Плита споро, со знанием дела, пекла «блины русские с маслом», а бабушка, не веря в свою ненужность, суетливо хваталась за рукоятки управления, вносила разлад в процесс выпечки, охала и всплескивала загорелыми руками.

Тане стало совсем тоскливо, и она пошла к себе. Ей очень хотелось выплакаться, но разучилась она, как видно, нехитрому женскому делу точить слезы. Вытащила из письменного стола ящик, вытряхнула оттуда старые журналы — в носу защекотало от пыли. И нашла фото Пирогова. Тот был запечатлен по пояс, в тяжелом скафандре для работы в открытом космосе, но без шлема. Шлем возлежал на сгибе левой руки. На груди у Пиро-

гова была нашита эмблема Корпуса астронавтов ООН и латинскими буквами написана фамилия. Лицо хранило значительное выражение, складывающееся из внутренней уверенности, которой Пирогов, помнится, никогда не отличался. Впрочем, откуда ей знать, каков он был на своем месте, в кабине космического корабля? На обороте карандашная надпись: «Это я».

Таня поставила фото на стол. Потом подумала, что банально, пошло, наконец кощунственно корчить из себя грустящую добродетель после его смерти, когда при жизни все было куда как иначе. Но фото все же оставила. Залезла с ногами в кресло, укуталась под горло яркой шалью с бахромой и кистями. Ей захотелось вообразить себя вдовой. Но для начала следовало бы вообразить невестой, женой... Невестой еще куда ни шло, имелся некоторый опыт: собиралась года два назад тайно ото всех замуж, но оба вовремя передумали. Женой вообще не получалось. Единственное, чего ей удалось достичь, так это представить, что Пирогов лежит на диване и читает книгу. Так, по ее мнению, поступают все мужья.

Тихонько запел настольный терминал, принявший сигнал от общего видеофона в прихожей. Таня совершенно автоматически протянула руку, нажала клавишу отзыва. На экране возник Андрей — в отличном сером костюме, в потрясающем галстуке, подтянутый и аккуратный, словно только что сошел с рекламного проспекта.

— Танюшка! — вскричал он. — Ужасное везение, что ты дома! Признаться, я звонил тебе на работу. Послушай, плюнь ты на свою хворь и приезжай ко мне!

— Я не могу-у, — протянула Таня нахмурившись.

— Ерунда, ты забудешь обо всем на свете, когда узнаешь, кто у меня в гостях. Попробуй угадай!

— Не хочу-у...

— Тогда позволь представить: Кханга Джон, король симфорок-пульса, прямо из концертного зала.

Андрей потеснился, и его место занял хрупкий темнокожий молодой человек в непроницаемых очках, с длинными прямыми волосами и редкой курчавой бородашкой.

— Очень рад! — сказал Кханга Джон по-русски и пропал.

— Я же знаю, что ты без ума от его музыки, — снова появился Андрей. — Нельзя упускать такой случай! Он будет петь, играть на пульслайзере целый день, вечер и ночь для тебя... Ну и для твоей подружки, которую ты пригласишь для баласа. Так мы ждем тебя, Танюша?

— Я не могу, — повторила Таня, борясь с искушением. — У меня горе.

— Горе? У тебя? Ты шутишь!

— Алешка Пирогов погиб.

— Пирогов? Постой-ка... А, этот чудак, твой верный воздыхатель со школьной скамьи? Действительно, жаль. Но у них там частенько гибнут! Впрочем, тебе будет не хватать его. Я сочувствую тебе, солнышко. Только давай погрустим завтра, когда Кханга уедет, а сегодня тебе нужна маленькая разрядка после такого известия. Нельзя помногу печалиться. Приезжай, слышишь? Кханга напишет песню и посвятит ее твоему рыцарю, у него здорово получается...

Таня выключила терминал. Вызов немедленно повторился. Таня заткнула уши пальцами и заплакала от обиды и одиночества. Она испытывала к себе уважение за то, что поборол искушение и не поехала к Андрею. В то же время ей было досадно, что он такой бесчувственный. В комнату заглянула бабушка Поля с горкой блинов на тарелочке, покачала головой и ушла на кухню довоевывать с плитой. Ей очень хотелось утешить Таню, приласкать, погладить по головке, но она не знала, как Таня к этому отнесется.

Татьяна проплакала целый вечер, то успокаиваясь, то снова начиная. Легче не становилось.

За окном стемнело. Андрей вызывал ее каждые пять минут. Потом, видимо, махнул на это занятие рукой и стал искать альтернативный вариант. Таня сидела в кресле, не меняя позы, ноги у нее затекли и онемели. Слез больше не оставалось. Со стола на нее смотрел серьезный, значительный пилот из Корпуса астронавтов ООН. В сумерках предметы понемногу утратили свои очертания.

ния, стали нереальными и таинственными. С улицы не доносилось ни звука, даже бабушка Поля затихла у стереовизора в соседней комнате. На кухне стили никому не нужные блины. Таня подумала, что засыпает, и прикрыла распухшие глаза.

Когда она открыла их, то увидела Пирогова. Но не того, что на фото, а настоящего, которого можно было потрогать. Даже обнять. Другой Пирогов тоже был в скафандре, но не таком громоздком, посвободнее. Он сидел на полу и глядел на Таню, поражаясь тому, что видит ее.

— Алешка... — позвала Таня.

Пирогов счастливо улыбнулся и закрыл глаза. Сквозь него неясно виднелся ковер на полу и просвечивали Танины шлепанцы. Потом шлепанцы обрели четкость, словно проявились на фотопластинке, а Пирогов повемногу растаял кусочком серебристой туманности.

5

Наутро Пирогов перекусил на скорую руку, натянул резиновые перчатки и отправился разбирать завалы в регенерационной камере. Переступив через порог, он опустился на колени и с предельной осторожностью стал искать целые пластинки и блоки. Работа была нудная, кропотливая и, как оказалось, лишённая всякого смысла. Через полчаса Пирогов понял, что обречен.

Осознав это, он даже слегка испугался. Хрупкая пластина вывалилась из пальцев, спланировала на пол и взялась трещинами.

Регенераторы были изувечены на совесть. Поэтому как только на планетолете иссякнут наличные запасы воды и воздуха, Пирогов умрет. И произойдет это в самом недалеком будущем. И неоткуда ждать помощи.

Конечно, его найдут. Скоро развернется программа комплексного исследования Пояса — на предмет изыскания полезных ископаемых космического происхождения, программа под кодовым названием «Церера». Скоро — это лет через десять. К тому времени ему будет все равно, разыщут его или нет. Гораздо раньше

он превратится в мумию в разбитом, но прекрасно освещенном планетолете.

Пирогов сел на пол и зажмурился. И ему сразу удалось отвлечься. Должно быть, он просто не умел подолгу думать о собственной смерти. Вместо этого ему захотелось вообразить себя рядом с Таней, в ее комнате, увешанной мохнатыми коврами с совершенно немыслимыми для современных интерьеров узорами. Он никогда не видел этих ковров наяву, но необъяснимым образом был убежден в их существовании. Он твердо знал, что пол в Таниной комнате скрыт зеленым самозарастающим мехом из грасс-пластика. Что, кроме дивана, в углу под светильником стоит глубокое кресло, в котором Таня любит сидеть поджав ноги и ждать, когда кто-нибудь — только не он, Пирогов, — захочет поговорить с ней по терминалу. И что терминал лежит у нее под рукой на подлокотнике кресла. Почему он все это знал, Пирогов ответить не мог. Знал — и все тут.

Поэтому он не слишком удивился, когда увидел себя сидящим на грасс-пластике, а в нескольких шагах — рукой можно дотронуться — бледную и оттого невероятно красивую Таню, изо всех сил вжавшуюся в спинку кресла.

6

Проснувшись, Таня почувствовала себя немного лучше. Правда, с непривычки от слез совсем запухли глаза, так что выглядела она теперь, наверное, ужасно. Таня сладко потянулась и обнаружила себя не в постели, а в кресле. Вспомнила разговор с Андреем, потом — конфликт бабушки Поли с плитой. Вспомнила и серебристый скафандр, тающий в вечернем полумраке среди тишины и пустоты.

Робко пискнул терминал. Таня отозвалась. Это был шеф, сердито и печально взиравший на нее с экрана размером с Танин кулачок.

— Как ваше здоровье, Татьяна Петровна?

— Спасибо, Роберт Семенович. Почти нормально.

— Я не хотел вас беспокоить...
— Я понимаю.
— ...но нехватка рабочих рук, а точнее — голов...
— Понимаю.
— ...у всех на уме эти грандиозные прожекты в межзвездном эфире...

— Понимаю.
— ...тривиальнейший расчет некому закончить...
— Я приду сегодня,— вдруг сказала Таня и поразилась своей решимости: показаться на работе в таком виде, с распухшим лицом, с синими разводами под глазами!

— Я приду,— повторила она упрямо.— Я совершенно здорова. Просто у меня горе. Но я обязательно буду сегодня.

— Иного ответа я и не ожидал,— с удовлетворением солгал шеф и пропал.

Обычная утренняя круговерть.

Ванная, трюмо с косметикой. Кухня с деловито урчащей плитой, производящей румяные тосты с пылу, с жару — по первому требованию. Бабушка Поля, обреченно стоящая в дверном проеме, сложив на груди темные от летнего солнца руки. Чашечка кофе на дорогу. Назойливое тиканье часов. В конце концов можно и опоздать.

Горе горем, а жить полагается дальше. Вечером неплохо бы позвонить Андрею: быть может, его знаменитый приятель задержится на денек...

— У тебя новый видеофильм, деточка?

— О чем ты, бабушка?

— Вчера вечером, у тебя в комнате?

Таня замерла в прихожей.

— Что такое?

— Господи, Танюша! Я говорю об этом юном космонавте в сербристом костюме. Что символизировали его поза и таинственное растворение во тьме вечной ночи?

Таня опрометью бросилась в комнату.

Она сидела в кресле. Ей было плохо, совсем плохо, хуже

некуда. А когда она уснула, ей привиделся Алеша Пировов. Вот здесь он сидел, на этом самом месте!

Податливый зеленый грасс был слегка примят. Таня провела по нему ладонью, и грасс распрямился, скрыв следы, которые ненадолго сохранила его пушистая ласковая поверхность. Или ничего и не было?

Видеофильм. Юный космонавт в серебристом скафандре.

Таня очнулась на улице, перед входом в корпус. Судя по часам, она преодолела десятиминутный путь от дома до работы, даже с учетом метро, за час без малого. Где она блуждала все это время?

— А вот и наша избавительница!

Таня поздоровалась, не видя никого вокруг себя. Прошла к своему столу, села, принялась перебирать черновики, заботливо подложенные начальником сектора. А в голове горячим ключом пульсировала одна и та же мысль: что с ней происходит? Быть может, она бредила? Но как в ее бред могла проникнуть бабушка Поля?

Таня подняла глаза и увидела шефа, готового взорваться от негодования. Заметила и удивленные взоры в ее сторону.

— Ничего страшного, Роберт Семенович,— сказала медноволосая Элли, с вызовом посмотрев на шефа.— У человека несчастье. Раз в сто лет можно!

Таня изумленно опустила взгляд на свои руки. Она держала тлеющую сигарету и стряхивала пепел на полированную поверхность стола!

— Пустяки,— наконец выдал шеф.— Успокойтесь, Таня, и займитесь делом. Это помогает не хуже никотина.

Она сделала-таки расчет, и ей действительно было легче, пока колонки цифр в электронном бланке и коэффициенты, похожие на хвостатых зверьков, ограждали ее от остального мира, в котором происходили непонятные вещи. Но вот расчет лег на стол к шефу — тот бегом просмотрел его и тут же, при ней, сунул в разверстую пасть фототелеграфа.

— Вот так,— произнес он многозначительно.— Ведь можете

же, черт побери! Можете, если захотите, а? В чем же, простите великодушно, дело? Или и впрямь — раз в сто лет?

— Не знаю, Роберт Семенович,— потупилась Таня.— Наверное, вы правы, и я ленивая черепаха.

— Я старый человек,— заявил шеф.— Поэтому мне извинительно сказать вам то, что я думаю. И вы не должны будете на меня обижаться, так как это идет от чистого сердца и от искреннего желания помочь вам. У вас есть некоторые задатки способного инженера. Не скажу, что талантливый. Но вы преступно разбрасываетесь на преходящие мелочи и пустячные увлечения. Вы легкомысленны, Танюша. Но это — молодость, это пройдет.

Таня молчала.

— Не знаю,— пробормотал шеф.— Может быть, в этом нет ничего плохого. Молодость дается человеку только один раз, и надо ее прожить. Именно прожить, а не переждать! Кажется, я противоречу самому себе. Что вы думаете по этому поводу?

— Я еще не придумала,— созналась Таня.— Наверное, вы снова правы.

— Прав? — переспросил шеф.— Безусловно! Только вопрос — в чем именно?

Дома Татьяну ждали три кассеты — три звуковых письма: весточка от родителей из Австралии, где они второй год восстанавливали популяцию вымирающих медведей-коала; письмо от Николая, с которым они расстались друзьями еще до отъезда родителей,— содержание фонограммы в общем и целом она себе представляла,— и письмо от Андрея — что он может наговорить в пылу раздражения, ей еще предстоит узнать. Но странное дело: как раз это ей было глубоко безразлично. А с фото на столе на нее взирал суровый и неприступный Пирогов.

Что же это было?

Таня прикрыла за собой дверь: ей не хотелось, чтобы бабушка Поля снова что-нибудь увидела. Прошла по краешку грасса, опустилась в кресло. Отяжелевшая от непривычной нагрузки голова упала на руки...

Тоненько заголосил терминал. На экране возник Андрей, лицо его было строгим, совсем как у Роберта Семеновича.

— Ты получила мое послание?

— Да, вот оно.

— Даже не распечатала?! Я три часа жду твоего визита, сорвал репетицию, поругался с режиссером — хорошим человеком, а ты...

— Я только что пришла с работы.

— О, боже,— Андрей устало разыграл удивление.— В городе вечер, люди отдыхают и веселятся, а она, видите ли, работает! Да не верю я в это! Очевидно, тебе попросту наскучило мое общество. Позволь узнать, кто твой новый рыцарь?

— Я только что закончила сложный расчет,— упавшим голосом сказала Таня.— Раньше у меня на него уходила неделя. Сегодня я узнала, что для этого достаточно десяти часов.

— Почему бы тебе не сделать его за неделю, в нормальное рабочее время?

— Сначала я сделала, а потом уж подумала...

— Нет! — Андрей погрозил ей пальцем, изящным и длинным.— Так не бывает. Понимаешь — кому угодно поверил бы, но тебе...

— Давай пока не будем встречаться,— неожиданно для себя сказала Таня.— У меня возникли проблемы.

— Даже та-ак?!

Лиловая клякса расплылась по экрану, и тот угас. Таня почувствовала сильное облегчение. Ей и вправду было не до Андрея. Потом, когда она разберется во всем до конца и пройдет эта назойливая, надоедливая боль в сердце,— потом она придет к Андрею, и все будет по-старому. Потом — не сейчас, когда на ее столе стоит портрет космонавта.

И наступила ночь.

Таня сидела в кресле, напряженная, сосредоточенная, неотрывно глядя перед собой. Она боялась даже шевельнуться, малейшим движением нарушить тишину в комнате. Она ждала.

Так минул час.

Тане захотелось спать. Она уже почти убедила себя, что ничего исключительного не произошло. Просто она слишком много в последнее время думала о Пирогове. Наверное, за всю прежнюю

жизнь не думала о нем столько, как за эти два дня. Единственное, что вносило смятение в ее душу,— это история с бабушкой Полей. Но об этом, впрочем, нетрудно было и позабыть. И тогда вообще не осталось бы никаких неясностей.

«Он погиб,— думала Таня.— Ему было страшно и одиноко погибать в остывающем, изрешеченном прямыми попаданиями метеоритов звездолете. Холод подступал к самому его сердцу, и, уже теряя сознание от недостатка воздуха, непослушными губами он повторял мое имя...»

Так, между прочим, погибал космонавт в фильме «Небо мужчин», с участием Андрея.

Таня, кажется, задремала.

Ощущение тревоги выбросило ее из полусна, и она крепко вцепилась в подлокотники, чтобы не выпасть из кресла. «Что же это?...» — подумала она. Неужели именно так сходят с ума?

Цепenea от ужаса и восторга, широко раскрытыми глазами она смотрела на медленно возникавшую из ничего, проявлявшуюся в воздухе, обретавшую плоть человеческую фигуру.

7

Пирогов сидел на траве лицом к ней, подогнув колени к груди. Спина его опиралась на что-то невидимое. Он глядел на Таню и улыбался.

— Вот я и снова вижу тебя,— сказал он.

— Что это? — прошептала Таня.

— Ты мне снишься,— пояснил Пирогов.— Снишься каждую ночь. Но еще ни разу мне не удавалось поговорить с тобой.

— Ты... погиб? — с опаской спросила Таня.

— Нет, я жив. Поначалу мне везло, и я уцелел. Но скоро я останусь без воздуха. А лет через десять меня найдут и похоронят на Земле. Развернется проект «Церера», начнется разведка Пояса Астероидов, и тогда случайно наткнутся на меня. А до той поры я буду совершенно один.

Он сидел и разговаривал с ней как ни в чем не бывало!

— Мне бы тебя наяву повидать,— говорил он.— Хоть раз, хоть издали! А то у меня здесь даже твоей фотографии нет. Но я и без того тебя помню все время, потому ты так хорошо мне снишься.

— Алешка,— сказала Таня.— Мне кажется, это не сон.

Пирогов засмеялся.

— Хотел бы я, чтобы это был не сон! Но наяву ты давно бы уже выставила меня за порог.

— Не выставила бы,— обиженно сказала Таня и сама себе поверила.

— Но, странное дело, я никогда не подозревал, что у меня такая богатая фантазия! Представляешь, я выдумал себе комнату, где ты живешь, до мелочей, до деталей. Ковер этот, кресло...

— Это действительно моя комната!

— Прошлой ночью мне снилось, будто ты плакала.

— А я и проревела из-за тебя весь вечер!

— На тебе была такая цыганская шаль.

— Вот она!

— И ты позвала меня по имени.

— Это не сон, слышишь?

В глазах Пирогова мелькнула растерянность.

— Это сон,— возразил он не слишком убежденно.— Правда, он очень странный. Мне никогда не снились такие реальные сны. Но я же целыми днями один...

За дверью послышались шаги. Таня прижала кулачки к губам, чтобы не закричать. Лицо Пирогова застыло в изумлении. Потом он медленно обернулся.

В дверях стояла бабушка Поля, веселая и розовая от хорошо проведенного времени.

— Танюша, я уйду гулять по вечернему городу с подругами моей юности,— объявила она.— Отчего ты не пригласишь молодого человека сесть на диван? Впрочем — не стану мешать.

Дверь закрылась.

Пирогов сидел неподвижно. Лицо его напоминало гипсовую маску.

— Кто это? — спросил он шепотом.

— Бабушка Поля,— так же шепотом ответила Таня.

— Твоя бабушка?!

Пирогов схватился за голову.

— Я схожу с ума,— произнес он.— Я — в разбитом планетолете, в приборном отсеке. Мой астероид черт-те где. Но ты, твоя комната, твоя бабушка!.. Что со мной?

— Не знаю,— промолвила Таня.— А кто мне объяснит, со мной-то что?

Пирогов поймал ее взгляд, как утопающий соломинку.

— Нет,— заявил он.— Нет. Так не бывает. Это невозможно!

— Не кричи на меня,— сказала Таня укоризненно.

— Да разве я кричу,— пробормотал он.— Но ты пойми: если я поверю во все это, я погиб окончательно. У меня же появится надежда на избавление; я тогда свихнусь, если все окажется лишь сном, если вдруг оборвется ниточка, связавшая нас...

— Мне кажется, я тоже не переживу,— Таня шмыгнула носом от жалости к себе.

Пирогов протянул к ней руку.

— Елки же зеленые,— проговорил он.— Вот сейчас дотронусь до тебя и сразу проснусь. И вообще больше не стану спать, до самой смерти. Жаль, конечно, такой хороший был сон. Но иначе можно спатить.

Пальцы его уперлись в невидимую преграду. Он налег на нее всем телом. Таня сквозь слезы смотрела, как он пытается прорваться к ней. Медленно, будто лунатик, она встала из кресла и шагнула ему навстречу. И попыталась поймать его руку.

Их ладони прошли одна сквозь другую.

— Бесполезно,— вдруг произнес Пирогов совершенно спокойно. Он поднял кулаки и стукнул в незримое препятствие.— Знаешь, что мне мешает? Стенка приборного отсека. Меня нет в твоём мире, а тебя в моем. Ничего не выйдет. Мое жизненное пространство ограничено четырьмя бронированными стенками отсека. А в твоём распоряжении — целая планета, на которой меня нет. Мы не совпадаем в пространстве на миллионы километров.

Он стоял на коленях, уперевшись ладонями в стену, которой не существовало для Тани. Сидя на полу в двух шагах от него,

она рыдала в три ручья и утирала слезы рукавом халатика. В этот миг ей ничего не было нужно — только бы распался, провалился в тартарары разделявший их барьер.

Когда не осталось больше слез и Таня смогла разлепить мокрые ресницы, она была одна в комнате.

«Я дура,— подумала она.— Обыкновенная слезливая дурочка. Действовать надо, а не слезы точить».

«А надо ли? — подал голос откуда-то из глубин ее души червячок сомнения.— Ведь все может начаться сызнова — преследования, предложения, вздыхания. И потом — надо будет куда-то идти, кому-то что-то доказывать, а это так утомительно! Можно просто смолчать, убедить самое себя — и это совсем не трудно,— что ничего не было, а был один лишь горячечный бред. Стиснуть зубы, зажмурить глаза, пережить однажды — и освободиться навсегда!»

«У, поганка»,— обругала себя Таня.

8

— Здравствуйте. Моя фамилия Леонтьева. Зовут Таня.

— Очень рад.

— Простите, что беспокою вас...

— Минуточку... Я не вижу никаких оснований к задержке старта «Танкера-25», а доводы ваши малоубедительны! Неустойка за ваш счет... Слушаю вас, Нина.

— Меня зовут Таня.

— Простите.

— Три дня назад вы прекратили поиски космонавта Пирогова, пропавшего в Поясе Астероидов.

— Совершенно верно. Поиски продолжались, пока позволяли возможности марсианского космического комплекса.

— Пирогов жив.

— Это маловероятно, хотя и не исключено... Я знаю, что «Танкер-25» недогружен, но задержка старта сорвет мне все графики! Возьмите учебник по небесной механике и почитайте... Так

вот, о Пирогове. В принципе он может достаточно долго поддерживать свое существование в планетолете, если тот окажется поврежден незначительно. К сожалению, нет никаких сведений даже о районе его местонахождения. Пирогов может быть как в Поясе Астероидов, так и в любой другой точке Солнечной системы, если его планетолет потерял управление, но сохранил ход. Он может разбиться о любое мало-мальски солидное космическое тело... а скорее всего уже разбился. Отсюда вывод: либо Пирогов погиб, либо у него неисправимо повреждена аппаратура связи. А вести поиски в космическом пространстве вслепую мы еще не научились.

— Я знаю точно, что Пирогов жив. Его планетолет разбит и находится на одной из планет в Поясе Астероидов.

— Одной из малых планет, вы хотите сказать.

— Связи у него действительно нет, а воздуха осталось очень мало. В общем, если ему не прийти на помощь немедленно, он и в самом деле погибнет.

— Вот как!.. Полигон, гоните представителя фирмы в шею и пускайте «Танкер-25» точно по графику. Все!.. Откуда у вас такие сведения, милая девушка?

— Я это знаю наверняка.

— Рад за вас. Как называется эта планетка, где он, по вашему убеждению, пребывает?

— Он не знает.

— Заметьте: я не спрашиваю, откуда вы знаете, что он не знает. Должно быть, у вас предчувствие. Или прямая экстрасенсорная связь с ним.

— Что-то похожее.

— Но здесь не место для розыгрышей, милая... э-э... Таня.

— Вы мне не верите.

— Где ваши доказательства?

— У меня их нет!

— Ну вот, видите... Пусть жалуется хоть генеральному секретарю ООН! А не нравится — пусть выходят из Агентства... И потом, не кажутся ли вам эти утверждения до некоторой степени

кошунственным? Не оскорбляете ли вы память хорошего человека своими, мягко говоря, странными измышлениями?

— Но Пирогов жив!

— Простите, кем вы ему приходитесь?

— Я?!

— Да, вы, моя славная.

— Я его... знакомая.

— Невеста?

— Нет!

— Ну, это не меняет дела. Я понимаю ваши чувства, но помочь ничем не могу. Вы знаете, во что обходится рейс поискового планетолета? А мы сделали в поисках Пирогова около сорока таких рейсов и сделали бы вдвое, втрое больше! Но в эти же дни потерпели аварию еще три грузовых корабля, один исследовательский и один пассажирский, и все они сообщили свои координаты.

— Значит, вы больше не станете его искать?

— Нет, уважаемая Таня. Это лишено смысла.

— Десять лет ждать проекта «Церера»...

— Поймите!

— Что такое?

— Откуда вам известно о существовании проекта «Церера»?

— От Пирогова.

— Гм... Да, конечно. Простите, но я более не располагаю временем для беседы. Дела, конфликты с зарубежными компаниями, графики старта-финиша... Желаю здравствовать.

— До свидания. Можно мне будет связаться с вами, когда у меня появятся доказательства?

— Всегда буду рад вас видеть.

9

Что она может доказать? Что Пирогов появляется в ее комнате и снова пропадает, неосязаемый, как привидение? Что он оставляет отпечатки на траве, но не может преодолеть невидимый

барьер? Все подумают, что она сошла с ума, она и сама бы на их месте так подумала. Созвать их всех в свою комнату, и пусть ждут, когда он снова появится? А если его не будет? Не было же его вчера.

Андрей не беспокоил Таню с того памятного разговора. Иногда мимоходом она вспоминала о нем и думала, что все у них образуется. Но сперва нужно спасти Пирогова. Она одна может сделать это. Если бы еще знать, как.

Для начала Таня решила разыскать Одинцова.

Тот работал в проектнои институте — с того самого момента, как ушел из Корпуса астронавтов по состоянию здоровья. Он занимался системами жизнеобеспечения больших орбитальных лабораторий и, поскольку не очень ладил с женой, отдавал работе все личное время. Таня прождала его у входа в институт до вечера. Когда стало темнеть и похолодало, она отважилась пуститься на поиски в запутанных коридорах громадного здания. Несмотря на поздний час, в институте было многолюдно. На Таню обращали внимание, оглядывались вслеп, вызывались в попутчики. Она весело давала отпор, чувствуя себя в родной стихии. И на восьмом этаже нашла Одинцова.

Сергей сидел у окна, уперев кулаки в подбородок, и фальшиво насвистывал популярную мелодию из репертуара Кханга Джона. В комнате он был один.

— Это я, — сказала Таня и села рядом.

— Зачем? — спросил Сергей, не подавая виду, что растерян.

— Мне нужна ваша помощь. Мне и Алешке.

— Кому?

— Алешке Пировову.

Одинцов встал из кресла и неторопливо оглядел ее с головы до пят — коротко постриженные волосы цвета платины, красивое загорелое личико, легкое платье из матово-черной материи — выше колен эдак сантиметров на двадцать, длинные стройные ноги в полосатых гольфах, тупоносые туфельки на высоком каблуке. Лицо его было непроницаемо.

— При чем тут вы? — произнес он наконец. — Какое отношение вы имеете к нему теперь?

— А вот имею,— сказала Таня чуть рассерженно.— И вы отлично знаете, какое. Иначе зачем бы вам ко мне приходить?

— Пирог, если бы сумел, попросил бы меня сделать это. Он был в отношении вас с приветом — любил до умопомрачения.

— Он и сейчас любит,

— То есть?..

— Он жив.

— Кто вам это сказал?

— Я это точно знаю.

Одинцов прошелся по комнате, задвигая пустые кресла в промежутки между столами.

— Его что — нашли?

— Нет.

— Если вы думаете, что я позволю вам глумиться над памятью моего лучшего друга, как вы это делали при его жизни...

— Мне это надоело,— злым голосом проговорила Таня.— Сил нет слушать, как все твердят о его памяти, и никто не хочет ему помочь. А он там один, в разбитом планетолете, среди холода и тьмы.

— Я где-то видел нечто похожее,— усмехнулся Одинцов.— Помнится, в кино. Паршивенький такой фильм.

— Это не кино! — с обидой воскликнула Таня.— Каждую ночь он появляется у меня в комнате. Он сидит на полу и разговаривает со мной. Он в скафандре, без шлема, у него на лбу ссадина!

— И было ей видение,— с иронией прокомментировал Одинцов.— Ну, долго вы будете морочить мне голову? Если вы перепутали свои сны с реальностью, то хотя бы имейте совесть не навязывать свои галлюцинации другим.

— Почему? Почему вы не верите мне?

— Да потому что в школе вы прогуливали уроки физики! За мальчишками бегали! Пояс Астероидов отстоит от нас на сумасшедшие миллионы километров, а скорость света составляет все те же триста тысяч в секунду. И вы еще говорите мне о беседах с человеком, до которого радиосигнал тащится несколько минут! Или

теперь, по размышлении, вы вдруг вспомните, что было запаздывание? Ну — было?

— Не было,— устало сказала Таня.— Мы говорили... вот как с вами сейчас...

— Извините меня,— безжалостно произнес Одинцов,— но вы ведете себя словно галлюцинирующая истеричка. А может быть, вы и впрямь... не в себе?

— Я-то в себе,— вздохнула Таня.— Еще как в себе. А вот вы все — в ком? Или в чем? Умные-разумные, ничему и никогда не верящие... Я, глупая, думала, вы захотите мне помочь. Почему мне? Ему, ему помочь! Да ну вас к бесу,— она резко поднялась и опрокинула кресло, с ожесточением наподдав его ногой.

— Подождите! Куда вы... в таком состоянии?

— К нему! — почти выкрикнула Таня.— Каждому свое! Вы пойдете лить слезы подле его портрета с муаровой ленточкой, а я — разговаривать с ним, покуда он еще жив! Ну как мне его спасти? Как, если мне ни одна гадина не верит?!

Дверь за ней захлопнулась.

Одинцов поднял кресло и сел, снова уронив голову на кулаки. «Удавиться, что ли? Противно... Вообще все опротивело». Потом он вернулся мыслями к Тане. «Дура,— подумал он раздраженно.— Вот же стерва». И на душе у него стало еще поганее.

10

— Все, все,— шептала Таня, чувствуя, как высыхают на ее горящем лице капельки дождя.— Не могу больше! Не умею!

Она почти бежала, стягивая ворот платья на груди, и встречные прохожие оборачивались ей вслед.

Пояс Астероидов? Пусть себе крутится, как и крутился миллиарды лет! Разбитый планетолет? Наплевать, не жалко, запустят еще! Алешка Пирогов? Погиб, нет его больше, вообще никогда не существовало человека с таким именем! Хватит, сил больше нет, и так наделала слишком много глупостей. Физика... Правильная, беспощадная, безошибочная наука — вот во что надо верить, а не

в ночные видения взвинченной непривычными переживаниями взбалмошной девчонки, не в примятый зеленый грасс!

Таня метнулась к укрытой в подворотне кабинке видеофона с запотевшими от сырости стеклами. Срывающимися пальцами набрала привычный код. Маленький, с карманное зеркальце экранчик тускло засветился.

— Андрей,— позвала Таня.— Что ты сейчас делаешь?

— Переживаю,— помолчав, ответил тот.— Сурово стиснув зубы, роняю скую слезу. Мужчинам надлежит переживать в одиночку. А ты?

— Я устала.

— Как там твои проблемы?

— Отвратительно. Все кругом плохо, никто никому не верит, все разучились верить.

«Почему этот дурацкий зеленый грасс никак не идет из головы?»

— Ты хочешь утешения? — спросил Андрей, красиво заломив густую соболю бровь.

— Кажется, да.

— Ма-аленькая,— ненатурально ласковым голосом нараспев произнес Андрей.— Ла-апонька, бедненькая... Достаточно?

«Грасс, зеленый грасс, примятый зеленый грасс...»

— Какой ты жестокий,— пожаловалась Таня.— Мне нужна твоя поддержка, хотя бы чуть-чуть поддержки.

— Знаешь ли, милая, в своей богатой актерской биографии никогда еще я не играл роль костыля, который можно взять под мышку, когда плохо, и отставить за ненадобностью, когда хорошо.

«ГРАСС!»

— Все,— резко сказала Таня.— Я уже в порядке. Благодарю за сочувствие, оно было весьма кстати.

— Танька! — перепугался Андрей, внезапно уяснив, что переиграл.— Я хочу тебя видеть, приезжай немедленно, в любое время дня и ночи, я не костыль, я просто бревно...

Таня придавила мокрой ладошкой клавишу выключателя и на миг ощутила холод заledenевшего на сыром промозглом сквозняке металла.

Вторые сутки Пирогов пытался увидеть Таню. Он силой принуждал себя спать, но теперь ему снилась одна лишь густая, вязкая темнота. Или абстрактные пейзажи в два цвета, черный и белый. Что-то мешало. Быть может, осознание того, что все это — больше, нежели просто сон? Но в последний раз он видел Таню не во сне. Просто закрыл глаза — и очутился на Земле.

А теперь ничего не получалось.

Нирогов слонялся по планетолету как неприкаянный. В самых неожиданных местах закрывал глаза и мысленно твердил: «Хочу видеть Таню. Хочу видеть Таню». Потом досадливо махал рукой и, бормоча ругательства, продолжал свои странствия по отсекам. Вскоре до него дошло, что каждый раз он попадал на Землю, в Танину комнату, именно из приборного отсека. То ли до Земли отсюда ближе на несколько метров, то ли еще что. Поэтому он запаса тубами с какао и устроился на насиженном месте.

Он представлял себе, как Таня мечется от одного ответственного лица к другому, пытаясь убедить их, что он жив и ожидает помощи. А ей никто не верит. Одни сердятся, другие смеются. И вот у нее опускаются руки, ею овладевает отчаяние, разочарование, и она отступает.

Если бы Таня догадалась зайти к Одинцову! Вдвоем они чего-нибудь и добились бы. Сережка должен ей верить. Впрочем — почему должен? Он такой же человек, как все.

Сидя с закрытыми глазами, Пирогов откупорил тубу с ледяным какао и приложил ее к губам.

До него донесся тихий женский смех.

Таня сидела прямо на траве, совсем рядом. Она смеялась, а на щеках виднелись еще влажные дорожки.

— Я думала, что больше не увижу тебя, — проговорила она. — Представляешь, два вечера тебя не видеть!

— Неужто ты из-за меня плачешь? — удивился Пирогов. — Надо же. Вот теперь и умереть не жалко.

— Только посмей,— сказала Таня, гоня с заревавшего лица счастливую улыбку.

— Зато у меня было много времени на размышления,— заметил Пирогов.— Я даже нашел кое-какие объяснения нашим чудесам. Фантастика, разумеется.

— Не нужны мне твои объяснения,— заявила Таня.— От тебя ничего нельзя ждать, кроме всяких глупых объяснений! Что тут объяснять? Ты хочешь видеть меня. Я хочу видеть тебя. Как только наши желания совпадают, ты неожиданно-негаданно переносишься ко мне в комнату.

— Ну, примерно. Хотя почему бы тебе не перенестись ко мне в гости?

— Ты же не хочешь этого. И я тоже! Очень нужно мне твое дырявое корыто!

— Вот что я надумал. Природой не зря созданы мужчина и женщина. Какую-то цель она этим непременно преследовала — она же ничего не делает зря. Должно из соединения двух половинок возникнуть новое качество.

— Ребенок,— хмыкнула Таня.

— Подожди, не перебивай. Все возлюбленные в идеале должны подходить друг дружке. Но не всегда так получается. Точнее, это всегда не удается до конца, потому что вероятность счастливого совпадения исчезающе мала, идеальные пары разбросаны в пространстве и времени. Но если уж они встретятся, начинаются настоящие чудеса. То самое новое качество.

— Как много ты говоришь! — возмутилась Таня.— Просто ужас.

— И ты можешь не любить меня, можешь ненавидеть, можешь гнать меня прочь, но мы с тобой и есть идеальное совпадение, тот единственный шанс на миллиард миллиардов, ради которого природа и затеяла древний эксперимент с Адамом и Евой. И если ты снова бросишь меня, то пойдешь наперекор самой природе, а это к добру не приведет.

— Вздор,— тряхнула головой Таня.— Что за идеализм? Значит, ничто никогда не сможет разлучить нас с тобой, счастливую идеальную парочку? Никакие силы?

— Думаю, что никакие... если выживу.

Таня снова засмеялась.

— Представь себе, я все это сама отлично знаю,— объявила она.— И даже лучше тебя. Поэтому одна только я во всем мире могу спасти тебя.

— Ну, это не открытие,— вставил Пирогов.

— Не шути, пожалуйста. Хочешь, спасу?

— Чтобы потом погубить на Земле?

— Поглядим на твое поведение.

— Я же люблю тебя. И никому тебя так запросто не отдам. Я тебе уже сто раз об этом говорил.

Таня перестала улыбаться.

— Говорил, говорил,— промолвила она со вздохом.— Не обращай внимания. Мне просто страшно. Я до смерти боюсь, что ничего не выйдет. Это же всамделишные чудеса, небывальщина.

— О чем ты?

— Понимаешь... Все это время мы с тобой хотели не так уж много — только повидаться. Но я всегда хотела чуточку больше: чтобы ты, живой и невредимый, очутился в моей комнате. И ты действительно переносился в нее. Сидел на моем газоне.

— Вот уж это вздор так вздор! — не утерпел Пирогов.— Я ни на миг не покидал этого чертова приборного отсека!

— Да уж, конечно! Просто ты никак не желал поверить в то, что это возможно, по причине своей идиотской трезвости мышления. И потому не мог вырваться из стен этого самого... отсека. Наши миры все же совмещались, но не проникали один в другой. Ты, ты мешал.

— И что же дальше?

— Дальше всего-навсего надо поверить в реальность происходящего. Поверить мне, самому себе поверить. Только из всех сил, по-настоящему, слышишь? В этом твое спасение.

Пирогов приподнялся на локте.

— Я очень хочу верить,— сказал он.— Очень сильно хочу. Но это... непросто.

— Знаю,— промолвила Таня.— И все-таки ты должен поверить. Ты же говорил, что любишь меня! Так пожелай сейчас од-

ного, пожелай так сильно, как никогда ничего не желал,— только одного лишь: войти в мою комнату!

— Н-ну...— промямлил Пирогов.

— Вот моя рука, видишь? Я хочу, чтобы ты ее коснулся. А ты хочешь этого?

— Танька...

— Ну же, вот она!

Пирогов побледнел и прикусил губу, неотрывно глядя на Таню, которая, напротив, изо всех сил зажмурилась. Он почувствовал, как струйки пота скользнули по вискам. Потом наступила тишина, какой еще не случалось в этой комнате.

Пирогов медленно опустил руку... и ощутил пушистую поверхность травы.

Он застыл, не в силах пошевелиться, боясь утратить это зыбкое ощущение, а с ним навсегда потерять и без того слабую веру в творящееся чудо. И тогда Танина рука пришла в движение. Она вслепую шарила по траве, пядь за пядью приближаясь к сведенным судорогой пальцам Пирогова.

Пирогов перестал дышать.

Маленькая женская ладошка осторожно легла на тяжелую мужскую руку, дрогнула в инстинктивном порыве отдернуться, но вместо этого тонкие мягкие пальцы с неожиданной силой сомкнулись на широком запястье.

— И не смей больше исчезать,— прошептала Таня.— Никогда, слышишь?

ЗВЕЗДНОЕ ЭХО

Всякий раз, как ребенок выбрасывает игрушку из своей колыбели, он вызывает возмущение в движении всех звезд во Вселенной.

Д ж е й м с Д ж и н с

...Для планеты Роллит, издревле известной во всей цивилизованной Вселенной как «Жемчужина Мироздания», настала пора тяжелых испытаний. Чудовищные по силе катаклизмы раздирали ее изнутри, круша в щебень некогда величественные горные хребты, обращая в зловещие пепелища зеленые ковры бескрайних лугов, выплескивая гигантскими волнами на хрустальные города побережий прежде ласковые воды лазурных морей. Тучи пыли и гари скрыли за собой бездонную бирюзу небес, и чистый кристалл солнца изредка пробивался сквозь них багровым глазом Беды. Роллитяне толпами покидали разрушенные города, унося с собой уцелевший скарб, в надежде обрести спасение в просторных долинах, но находили одни лишь изрытые трещинами, вздыбленные землетрясениями пустыни да болота, кишашие выползшей из растревоженных недр ядовитой нечистью. По прекрасным когда-то, а ныне мертвым, подсвеченным огнями пожаров, искореженным непрекращающимися подземными толчками улицам рыскали хищники-трупоядцы. Древняя цивилизация роллитян уходила в прошлое. Лишь горстка ученых, замуровав себя в бронированных стенах орбитальных лабораторий, обреченно и самозабвенно запечатлевала в памяти холодных машин каждый миг разворачивающейся трагедии. Никто и не помышлял о том, чтобы доискаться причин рока, поразившего «Жемчужину Мироздания». Всеми

руководил один порыв: сохранить знание, хотя бы крупницы его — с тем чтобы донести до других, которые придут сюда позже, зловещее предупреждение... О чем?! О какой беде, подстерегающей мирные, идущие прямыми дорогами к совершенству разумные расы?

Быть может, те, другие, найдут ответ.

А на дальних орбитах, выжидая свой час, не торопя событий, уже замерли галактические стервятники — звездолеты таинственной, враждебной всему доброму и светлomu, коварной и злобной империи Моммр...

Колобов нервно перевернулся с боку на бок, но ощущение неудобства не прошло. Ему было тяжело. Мешали руки, мешали ноги, сковывала движения постылая грудная клетка, колом застрял в теле чертов позвоночник. И лучше не вспоминать было о чере-пе, словно в насмешку гарротой стянувшим непомерно разбухший мозг. Во рту было то ощущение, о котором покойный дед Колобо-ва мудро говаривал: «Быдто медведь нагадил».

Спихнув с лица многопудовое одеяло, Колобов удумал было позвать жену Цилю, но трудно вспомнил, что третьего дня уехала она в отпуск, на юг. И если следовать элементарной логике, то, окажись Ция дома, уж наверняка не было бы прошлого вечера. Эта мысль радости ему не доставила. Она могла предвещать лишь то, что в холодильнике нет желанной бутылочки минералки «Арзни», даже и не пахнет ледяной простоквашкой в банке из-под съеденных намедни соленых огурчиков... пряных, при чесночке и перчике... в ядреном рассольце...

Колобов тихо застонал и разлепил неподъемные веки. Ему тут же захотелось смежить их вновь. Ну если не навсегда, то хотя бы до приезда Циля.

Дело в том, что из этой суровой действительности на него надвигалось полное укоризны аскетическое лицо Дедушева.

— Вий чертов, — сказал Дедушев. — Убить бы тебя за твои дела.

Колобову стало запредельно плохо и жаль себя.

— За что? — прошелестел он, чуть не плача. — За какие дела?

— Ну что ты с собой творишь? — с озлоблением воскликнул Дедушев. — Ты ведешь безобразный, похабный образ жизни! Стоило жене исчезнуть — и ты словно с цепи сорвался!

Колобов с натугой приподнялся на своем одре.

— Тебе этого не понять, — уже связно произнес он. — Ты никогда не был женат. И не будешь. Такие, как ты, обречены на вечную свободу. Но они же ни хрена в этом деле не смыслят! Вот и ты, Дед, раб своей свободы, мученик ее. Бедолага.

— А что же ты подался в невольники?

— И этого тебе не понять. Как сказал мудрец, что имеем — не храним, потерявши — плачем. Дай закурить, а? Там, на столе.

— Не дам! — снова озверел Дедушев. — А вот в морду дам, и с удовольствием!

— Н-ну! — слабо изумился Колобов, подобрал, как сумел, прихотливо переплетенные конечности и почти сел. — А как ты это сделаешь? Кулаком или чем?

— Уж чем придется. Лучше вставай, не зли меня!

Дедушев был одержим идеей хоть как-то изменить мир к лучшему. Будто мир и так не хорош! Например, изобрести нечто этакое, способное осчастливить всех. Или пусть не всех, но многих. На худой конец, в масштабах родного города, где родился, вырос и обречен был умереть непризнанным. Надо отдать ему должное: он боролся за счастье окружающих, не щадя ни окружающих, ни себя. С этим приходилось считаться.

— О, господи, — Колобов обхватил руками голову. — Ты что же, воспитывать пришел? Почти тридцать лет ты преследуешь меня своими рацеями. Будто я преступник какой, алкоголик или, там, гуляю безбожно. Тоже мне, прокурор!

— Я не прокурор, — промолвил Дедушев грустно. — Я твоя совесть.

— Ну и видок у нее, голубушки, — огрызнулся Колобов. — Брюки бы, что ли, погладила с прошлого сезона, или ботинки почистила. А лучше новые бы купила.

— Ты на себя посмотри! — парировал гость.

— Не хочу. Вот умоюсь, щетину сниму, кофейцу вдену — тогда и посмотрю. И тебе покажу в назидание.

— Что ты делал прошлым вечером и ночью?

— Не надейся. Никакой клубники. Зашел в гости к Бабьеву, а там как раз четвертого искали для пульки. Ну и расписали мы ее, родимую. Естественно, под пивоко...

— Послушай, Колобок, а тебе никогда не хотелось вместо пульки этой дебильной почитать хорошую книгу? По дому что-нибудь сделать? Вот у тебя плинтус отошел, кран течет на кухне. Замок на двери закрывается через раз, зато открывается на любой тычок.

— Поспори́л бы я с тобой,— поморщился Колобов.— Насчет пульки-то. Большого потенциала времяпрепровождение. Не хуже шахмат! Да голова трещит. Замок я, разумеется, починю. Авось по утрам не доведется видеть твою скисшую вывеску. А книги... Что их читать? Много уж очень пишут, да и заумно: всего не перечтешь, а что прочтешь — не поймешь.

— Так думать же надо читаючи! Головой, а не хребтом, как бронтозавр. И вообще думать полезно. Вон ты вчера трешницу в преферанс оставил...

— Ни фиги! Только рубль!

— Неважно. В общем, время ты попусту растранижил, псу под хвост, драгоценное свое жизненное пространство урезал. Да еще накурился под завязку, пивом пропитался, а утром встать без посторонней помощи не можешь. Ведь твоему организму, Колобок, такие кувырки уже противопоказаны, ресурс-то повыработан.

— Что тебе за дело до моего ресурса? За свой беспокойся!

— Не мне одному дело. И некоторым другим.

— Кому это «другим»? — насторожился Колобов.

— Тебе ничего не говорит такое слово — Роллит?

— Лекарство какое-нибудь,— осторожно предположил Колобов.

— Отнюдь,— прокряхтел Дедушев, с натугой водружая на прикроватный столик некий агрегат, весьма схожий с донельзя ободренным и раскуроченным портативным телевизором.— Пони-

маешь, Колобок, задумался я как-то о причинно-следственных связях...

— Сразу видно: не о чем человеку думать,— съязвил Колобов.

— Долго думал, все утро,— продолжал Дедушев, не реагируя.— И вдруг понял, что все в нашей Вселенной накрепко увязано. То есть ничего нельзя сделать без последствий космического масштаба!

— Еще бы,— не унимался Колобов.— Вот я ночь не спал — зато полдня продрых, благо выходной.

— А связи-то непростые! Они ох какие сложные, от атома к атому, да лавиной — от атома к звезде. Как эхо в горах: ты крикнешь из баловства, а со склона оползень стронется, целое селение в пудру сотрет. Так и во Вселенной: тянутся нити, переkreшиваются, сплетаются в сеть. Дернешь за одну — звезда качнется. Звезда качнется — Галактика дрогнет!

— Что-то не пойму, при чем здесь я.

— А при том, что я сконструировал прибор, который эти нити отслеживает. И выдает на телеэкран визуальную информацию с другого их конца. И знаешь, что получается?

— Что?

— То, что все мы — каждый человек на нашей планете — связаны этими ниточками с целыми галактическими объектами. Со звездами, с шаровыми скоплениями, с туманностями! Причем каждый наш поступок проецируется на соответствующий объект и влечет за собой изменение в его состоянии. Я же тебе говорю: эхо, только не горное — звездное!

— Подожди,— Колобов помотал дурно соображающей головой и скривился от боли.— Выходит, что же? Я поднял руку — а там, в Галактике, катаклизм? Я чихнул — а какая-то звезда, про которую я и не слышал ни разу, пятнами покрылась?!

— Примерно так,— согласился Дедушев.— Ну, если ты руку поднимешь, ничего особенного не произойдет. Вот если ты эту руку сломаешь — нехорошо будет. А теперь представь, как аукнулось твоё вчерашнее похождение планете Роллит, с которой ты, злодей, завязан!

— Роллит,— пробормотал Колобов.— А где это?

— Зачем тебе знать — где? — рассердился Дедушев.— Не задавай вопроса — где, спрашивай — как!

Он ткнул пальцем в затерянную среди переплетений проводов кнопку, и экран мгновенно, без предисловий, заволокло черным дымом, сквозь который прорывались языки багрового пламени.

— Ой, блин,— сказал Колобов растерянно.— Как же там жить-то?

...Силы Соединенного Разума Галактики услышали зов гибнущей планеты слишком поздно, чтобы вмешаться в раздирающие твердь «Жемчужины Мироздания» процессы: пусть не погасить — хотя бы ослабить взбунтовавшуюся стихию. Но и теперь, когда разрушение зашло чересчур далеко, не все еще было потеряно. На огромных звездолетах тысячепарсековыми прыжками к агонизирующему миру спешила помощь. Пища, медикаменты, саморазвивающиеся из эмбрионов временные жилища, генераторы энергии — все это в сопровождении добровольцев-специалистов, готовых пожертвовать собой во имя спасения братьев по разуму.

Но на подходах к окутанной дымом и пламенем планете Роллит спасатели были вынуждены остановиться. Они натолкнулись на мощную, почти непреодолимую преграду — барьер из силовых полей, воздвигнутых пришельцами из империи Моммр. Стервятники не хотели, чтобы кто-то посягал на их добычу.

Откуда возникла эта цитадель мрака — никто не знал. Не было известно ни единого случая благоприятного исхода контакта с имперцами — все встречи заканчивались неспровоцированными нападениями, гибелью одной стороны или бегством другой. Ходили слухи, что это была странная, противоестественная раса полуплюдей-полуроботов, запрограммировавшая себя на уничтожение всего немоммрского, существующая по жутким законам воплощенной в реальность формальной логики. До открытого противоборства дело пока не доходило — с могуществом Разума нельзя было не считаться. Но и Моммр не стояла на месте, тайно, скрыт-

но наращивая свою мощь, чтобы однажды бросить вызов остальной Вселенной.

Неужели настал этот страшный миг?

Если в Галактике разразится война, никто уже не придет на помощь роллитянам. Не до отдельных планет будет, когда речь пойдет о судьбах целых звездных систем.

Как, из каких сокровенных источников черпала империя Моммр свою злую силу? И что можно предпринять для ее скорейшего обуздания? Да и возможно ли это теперь вообще, перед лицом катастрофы на Роллит?..

Ровно в семь часов внутри безотказного, давно и тщательно отлаженного организма Олега Олеговича Вольфа сработал невидимый, но раз и навсегда заведенный будильник. И хотя был выходной, не имело никакого смысла отступать от изначально установленного распорядка дня — да и всей жизни.

Не вставая, Вольф сделал несколько дыхательных упражнений из арсенала всемогущей йоги. Затем поднялся, накинул махровый халат и прошествовал в ванную. Смахнув с красивого, мужественного лица остатки сна, вернулся в спальню — настал черед гантелей и эспандера. На четвертом десятке Вольф не изменял установленному некогда порядку. После получасовой гимнастики последовали холодный душ, обтирание жестким полотенцем для стимуляции кровообращения и еще несколько йоговских асан — против единственно досаждавшей Вольфу близорукости. Стоя перед зеркалом и снимая бронзовым станком пену со щек, Вольф спокойно изучал себя — это было не самым худшим его времяпрепровождением. Ни морщин на высоком, с залысинами лбу, ни седины в ровно уложенных прядях волос. Впереди еще три-четыре десятилетия полноценной творческой жизни. Несколько публикаций, монография, докторская диссертация. Затем — перевод в Москву, лаборатория в институте или, чем черт не шутит, директорство. Биография Вольфа напоминала ему, да и окружающим, вектор, устремленный в будущее, не подверженный ни отклонениям, ни даже случайным возмущениям.

Житейские соблазны, пустое времяпрепровождение, пресловутый «прекрасный пол» — все тлен, все избыточная информация. Следовательно, вектор Вольфа неся мимо.

В крохотной кухоньке Вольф сам приготовил себе чай и бутерброды. Сам же и съел. Сам же и вымыл посуду. Затем, сбросив халат, облачился в изысканный финский костюм и не упустил надеть галстук, хотя и знал, что на улице зной. Посмотрел на часы — без четверти девять. Он как раз поспевал к открытию публичной библиотеки. Подобрал в прихожей заблаговременно уложенный атташе-кейс, проверил перед зеркалом центровку галстучного узла и аккуратность пробора. Опустил на глаза забрало темных очков с диоптриями. Полный порядок.

На лестничной площадке Вольф едва не столкнулся с соседкой сверху. Звали ее, кажется, Анжелика — нелепое, заимствованное из дешевой беллетристики имя, свидетельствовавшее о духовной бедности родителей. Но сама Анжелика была хороша, пусть даже и с легким налетом вульгарности — чуть гуще тени на веках, чуть больше помады на губах, чуть сильнее беспорядок в прическе, чем того требуют каноны актуальной моды. И шифоновое платье чуть короче, нежели подобает замужней женщине. Хотя и молодой, красивой и бездетной. А муж Анжелики, неопределенных занятий субъект по фамилии Медведков, был пьяница и бытовой дебошир. Вероятно, руку на жену не раз поднимал. Мстил ей за красоту? Вполне в его духе.

Анжелика вскинула взгляд колдовских зеленых глаз на Вольфа, и тому почудилось в них нечто вроде просьбы. О чем? Он не знал. Губы Анжелики шевельнулись, прошелестев невинное приветствие, и застыли, как если бы она вдруг задумалась, не заговорить ли с этим холеным, благополучным, живущим в недоступных для нее сферах мужчиной, словно сошедшим с киноэкрана на не так чтоб очень опрятную лестничную клетку. Но они не были коротко знакомы, и поэтому сработали условности подъездного этикета: Анжелика молча отвела глаза.

Вольф посторонился, пропуская женщину, и чуть кивнул. В его отлаженной, настроенной на десятилетия душе-программе намечился небольшой непредвиденный сбой. Но Вольф легко по-

давил его в зародыше. Если когда-нибудь он позволит собственной голове закружиться, то, разумеется, по поводу женщины из своего круга, чтобы гарантирована была полная общность интересов и увлечений. И, безусловно, свободной. Анжелика была чужда науке: она работала чуть ли не продавщицей в овощном магазине. И к тому же состояла в зарегистрированном браке, хотя Вольф и не мог одобрить образ жизни ее супруга.

На улице он задержался, чтобы купить газету в киоске «Союз-печати». Пересчитывая сдачу, ненароком покосился на окна своего дома. Как странно — в одном из них, прижавшись к стеклу щекой, стояла Анжелика.

— Врешь,— сказал Колобов без особой убежденности.— Ты все мне наврал. Я тут ни при чем. Это видеозапись. Или фирменный боевик, ты его с гадовских спутников снимаешь, говорят, уже можно.

Он сидел за кухонным столом, слепо тычась носом в литровую чашку с кофе. Всклопоченный, весь в порезах — рука во время бритья ходила ходуном.

— Дурень,— сказал Дедушев.— Где я возьму денег на видик? При моей-то зарплате!

— А нигде. Ты сам его сделал из ворованных радиодеталей. А теперь врешь.

— Хорошо.— Дедушев хлопнул ладонью по костлявому колену.— Уговорил. Проведем эксперимент. Я оставляю свой телевизор включенным, а ты сейчас умышленно причинишь какой-нибудь ущерб своему бесценному здоровью. Или совершишь неблагоприятный поступок. А потом мы вместе поглядим, что станет с Роллит. Не могу же я, в самом деле, в собственной, как ты полагаешь, видеозаписи предвидеть твои грядущие свинства!

— Что ж такое придумать? — неуверенно спросил Колобов.— Может, своровать что-нибудь?

— Валяй. Своруй у меня кошелек, там десятка с мелочью.

Дедушев развернулся задним карманом брюк в сторону Коло-

бова и сделал вид, что не обращает на того ни малейшего внимания.

— А как же эти чудики? — пробормотал Колобов. — Они же там совсем погорят.

— То-то, осознал! А то не верил... Все только о себе и думаешь, а тут в твоих руках судьба целого мира!

— Что же мне делать? Крылышки из кисеи ладить? Стать активистом Общества спасения на водах? Или организовать Союз борьбы с компьютерными играми в рабочее время? Пользуешься ты, Дед, моей доверчивостью и впечатлительностью! А мне и без тебя тошно.

— Понятно, отчего. Во-первых, тебя совесть проснувшаяся гложет, а во-вторых, работает обратная связь. Ты взбаламутил роллитянам планету, а их страдания отраженным эхом будоражат твой организм. А как ты жил раньше, пока жена дома была?

— Ну как, как... Нормально жил! Дом, работа, дом, работа. В общем, все так живут. Ну, в кино сходишь иной раз. На природе в выходные смотаешься... Скучновато, наверное.

— Вот и роллитяне так же существовали. Ровно, стабильно, без взлетов, но и без закидонов. Их планета не стала для Галактики источником новых идей, научных открытий. Она была просто красивым курортным местечком.

— Выходит, я неправильно жил?

— А ты что же, всерьез полагаешь, будто от тебя есть какая-то польза? Оттрубил свое с восьми до семнадцати, поперекалывал в своей лаборатории бумажки, в сортире покурил, а кончил смену — рога в стену. Это тебе польза от такого способа существования, а не обществу. Ты сам залез в житейский тупик и целую планету туда же заволок. Попробуй на моей планете Идеант разразись катаклизм, они его живо в узду заберут, да еще к делу применят!

— Что, и у тебя есть планета? — ревниво спросил Колобов.

— У всех, — спокойно ответил Дедушев. — Я же говорю — все мы связаны со звездами незримыми узами родства. Только вот не чувствуем за собой ответственности. Вот как ты!

— Я...— Колобов понурился.— Что я? Я-то уже того... Чувствую.

Он сгреб со стола грязную посуду и понес в мойку. Его одолевали непривычно тяжелые, объемные мысли. О Вселенной, о звездах и планетах. О судьбах цивилизаций.

— Надо их как-то выручать,— сказал он в унисон своим думам.— Что бы тут этакое изобрести? А, Дед?

— Курить брось,— посоветовал тот.— Кран почини. Плинтус прибей. Полы пропылесось. Живешь в некомфортных условиях, а у них там мантию лихорадит.

Колобов сходил за разводным ключом.

— А эта твоя Идеант,— сказал он.— Она далеко от моих?

— Порядочно. Да только расстояние здесь не помеха. Если хочешь знать, идеантцы давно уж к твоим прилетели. И аморайцы. И найвиане — это Веры Лисичук из техбюро планета.

— Как же, как же. Комсомолка, спортсменка, просто красавица!

— Не ерничай. Просто правильно живет девчонка, и планета у нее правильная. Так вот, все мы уже там. Только высадиться не можем.

— Опасаетесь? — с неодобрением спросил Колобов.

— Вовсе нет. Барьер там, Колобок. А за барьером — боевые звездолеты.

— Чьи? — Колобов от изумления упустил на пол истрепанную прокладку.— Кто посмел?!

— Есть такая пакостная сила в Галактике — империя Моммр. Темная сила. Живут по нелюдским законам. Для себя-то, наверное, тоже правильно, да только получается, что окружающим — во вред. Никто с ними не может договориться, а они не хотят. Думают, будто лишь они одни — истинно прогрессивная цивилизация, а все прочие — выродки. Вот они-то и дожидаются, когда Роллит дотла выгорит.

— Все же я чего-то не понимаю,— сказал Колобов.— Ты говоришь, происходящее там — лишь проекция наших поступков на галактические процессы. Роллит, то есть я, допустим, гибнет. Идеант, то есть ты, спешит на помощь. Все как будто сходится:

ты сидишь здесь и давишь на мою размягченную психику. Но почему там очутились какие-то найвиане?

— Никаких парадоксов. Верочка Лисичук давно к тебе неравнодушна, это видят все. Кроме тебя, естественно, потому что ты слишком ленив, чтобы на работе думать о чем-то, помимо обеда и получки. Вспомни: разве не предлагала она тебе вступить в общество любителей бега? А в турпоход на сопки не зывала разве? А в театральный кружок?

— Было, — нехотя согласился Колобов.

— И заметь: все это не потому, что она вознамерилась отбить тебя у жены. Подобная мысль чужда ее нравственно цельной натуре. Просто ей невыносимо видеть, как ты, неплохой, в общем-то, мужик, тратишь себя по пустякам.

— Дед, — вдруг встрепенулся Колобов. — А давай тебя на ней женим!

— Псих! — обиделся Дедушев.

— А эти... Как их?.. Аморайцы? Они кто?

— Твоя жена Циля.

— Ну ты даешь!

— А что тут удивительного? Вот она уехала и сейчас там, на юге, вместо того, чтобы развлекаться на всю катушку, места себе не находит. Как-то ее ненаглядный, чем-то он сейчас питается, и кто же за ним, несчастненьким, приглядывает? И вообще у меня есть сильное подозрение, что она тебя элементарно любит.

— Верно, — горделиво сказал Колобов. — Цилька у меня такая. Баба что надо. Тогда последний вопрос: кто стоит за этими гадами из империи Моммр?

— Ни за что не угадаешь!

— Неужто Бабьев? Сильно он вчера пасовал на трех тузах против меня.

— Мелкая, ничего во Вселенной не значащая планетка Шушуга, куда свозят всякий галактический хлам, если ему не найдется иного применения.

— Ежикиан? На техсоветах все время на меня тянет.

— Газопылевая туманность без всяких перспектив на планетообразование!

— Сдаюсь,— Колобов поднял руки кверху.— Не иначе, как сам шеф Пентагона.

— Вольф.

— Кто-кто?!

— Вольф. Надёжа наша и светило, без пяти минут доктор наук, обладатель самых твердых моральных устоев во всем нашем славном институте, да и в городе тоже.

— Быть того не может! Он же такой положительный, что его в электролизе можно использовать вместо анода!

— Вот именно. Недавно он имел беседу с директором о необходимости сократить штаты и перейти на новую систему премирования. Предлагал, в частности, упразднить вашу лабораторию, свернуть тематику, а фонды передать на более перспективные разработки.

— Но ведь, если по совести, правильно же предлагал!

— Неправильно, Колобок. Беда не в вашей тематике, а в том, что вы ее завалили. Ваша работа, доведи ее кто-нибудь до ума, ничуть не плоше того, чем занят Вольф. Но он будущего за ней не видит, не знает людей, которые бы ваш завал расковыряли. И поэтому не без оснований полагает, что его личная синица в руках полезнее вашего убогого заморенного журавля.

— Вообще-то есть в нем что-то от автомата,— заметил Колобов раздумчиво.— Поговаривают, он никуда, кроме библиотеки, не ходит.

— Ходит,— возразил Дедушев.— На теннисный корт. Полезно для здоровья, а здоровье нужно для реализации его, Вольфа, замыслов. Кто же, в самом деле, будет двигать науку? Не ты же, курыка и лентяй. Не мусорный же Бабьев, не Ежикян газопыльный. Он, Вольф.

— Мом-мра,— с ненавистью сказал Колобов.

Домой Вольф вернулся необычно рано. К его разочарованию, в ущерб традиционному распорядку библиотека оказалась закрыта на санитарный день. Что бы это могло значить — санитарный

день в библиотеке? Травля книжных червей инсектицидами? Поголовная вакцинация обслуживающего персонала противостолбнячной сывороткой? Так или иначе, планы изучения текущей научной периодики пошли прахом. В плотном жизненном графике Вольфа внезапно образовалась четырехчасовая прореха.

Он не торопясь избавился от прокаленного солнцем пиджака, ослабил узел галстука. Прошелся по комнате, ведя пальцем по книжным переплетам, втрамбованным в стеллаж, от стены до стены — пыли набралось преизрядно. Ткнул все тем же пальцем в клавишу угнездившегося на углу стола персонального компьютера «Коммодор», приобретенного в поездке на симпозиум в Осло. Тот с готовностью высветил на экране монитора приглашение к игре в «Лабиринт смерти». Жизни Вольфа ничто не угрожало: он в два счета достиг Черных Ворот, отягощенный добытым в схватках с подземной нечистью золотом, быстренько разделался с жутковатым Безымянным и его демонами. Выслушал исполненную в его честь трехголосую мелодийку — как и вчера, и третьего дня, и месяц тому назад.

Вольф сел за стол, придвинул поближе пульт и уверенно выступал по клавишам заголовок: «К вопросу о...» Здесь он испытывал некоторые колебания и, чтобы освежить в памяти личные творческие планы, вывел в угловое окно монитора реестр проблем, о каких надлежало довести до широкой научной общественности его, Вольфа, личные соображения.

В прихожей коротко тренькнул звонок.

Кто бы это мог быть? Неужели снова собрание квартиросъемщиков? На гладком лице Вольфа мелькнула гримаса неудовольствия. Он не любил долгие и беспредметные обсуждения.

На пороге стояли два расхристанных субъекта. И оба положительно были знакомы Вольфу.

— Прошу прощения, — сказал первый, в мятой безрукавке, линялых джинсах и пыльных кроссовках, что мало согласовывалось с его далеко не юношеским обликом и уж никак не вязалось с выпуклым, через ремень, животом. От него отчетливо пахло отработанными пивными парами.

— Разрешите пройти? — спросил второй, туалет которого со-

стоял из архаических кримпленовых брюк, бежевой сорочки под блеклым пиджаком, в каком хозяин его, очевидно, танцевал еще на выпускном балу в средней школе, и каких-то непотребных пегих ботинок. Под мышкой он держал некий прибор, определенно напоминавший портативный телевизор в жутком состоянии.

Первый, похожий на сильно запущенного интеллигента, работал в «гупиковой ветви» — лаборатории, целую вечность корпешей над никому не нужной темой. «Кит на заклатие,— отлаженный на все случаи жизни мозг Вольфа генерировал версии, тут же выдавая варианты поведения в возникшей ситуации.— Пришел молить о снисхождении. Отказать. Выпроводить и сообщить заму по науке. Всемерно ускорить прохождение докладной записки о реорганизации». Второй чем-то занимался в другом, тоже сомнительном, отделе с экзотическим названием «Полигон», где воплощались в металле и обкатывались отдельные прикладные разработки института. «За компанию с первым. Нес телевизор на свой «Полигон», чтобы отремонтировать в рабочее время с использованием институтских технических ресурсов. Нет, сегодня воскресенье. Значит, берет шабашки на стороне. Инициировать комиссию народного контроля по проверке использования материальных ценностей в отделе «Полигон». А пока обоих выпроводить».

— Чем обязан? — Вольф отступил на шаг, чтобы его не накрывало пивным выхлопом, и это позволило непрошеным визитерам просочиться в прихожую.

— По важному делу,— сказал второй и, неловко поклонившись, представился: — Дедушев.

— Колобов,— назвалсЯ первый.— По личному делу,— он дурашливо хмыкнул и прибавил: — Каковое не терпит отлагательств.

Вольф с натугой прочистил горло и поправил очки.

— Что ж, прошу,— сказал он.— Однако я не располагаю достаточным временем, чтобы...

— Библиотека закрыта, мы только что оттуда,— сказал Колобов и с завистью поглядел на стол.— Это что у вас — персональный компьютер?

— Неважно,— ответил Вольф.— Слушаю вас.

Колобов сбросил кроссовки в прихожей, обогнул хозяина квартиры, будто напольную вазу, и плюхнулся в кресло. Дедушев, помаявшись, проследовал за ним и неудобно пристроился на краешке стула. Ущербный телевизор он бережно прижимал к себе.

— Вы что, смерти моей хотите? — неожиданно зловеще спросил Колобов.

— Не преувеличивайте, — сказал Вольф. — К сожалению, в нашей стране полностью ликвидирована безработица, даже среди инженеров. На любом предприятии местной промышленности будут вам рады. Но для научно-исследовательского института содержание целой лаборатории, а то и отдела, целиком состоящих из «подснежников», как мне представляется, есть непозволительная роскошь. Ваша тема устарела морально сразу после внесения в план!

— Ваши интриги с фондами меня не интересуют, — обрезал его Колобов. — Почему вы препятствуете звездолетам с планет Идеант, Амораия и Найви прийти на помощь моей несчастной планете Роллит?

Рука попятившегося Вольфа легла на телефонную трубку.

— Не надо куда звонить, Олег Олегович, — мягко промолвил Дедушев. — Я вам сейчас все обстоятельно разъясню.

— Вы недобрый человек, Вольф, — свирепо вклинился Колобов. — Вы связались с дурной компанией!

— Ты помолчишь наконец? — рявкнул на него Дедушев. — Тоже мне, ангелочек сыскался! Ведь из-за тебя и разгорелся сыр-бор!

— Дед, ты ничего не понимаешь, — огрызнулся тот. — На моем месте мог оказаться кто угодно. Роллит лишь случайная жертва. А скольких на своем веку эти стервятники из империи Моммр уже подмяли под себя?

— Каких момр? — требовательно спросил Вольф. — Что такое Роллит? Кто кого подмял? Я уже... — он глянул на часы, — пять минут жду вашего внятного объяснения, каковое, — Вольф сколько мог возвысил голос, — действительно необходимо! Ибо вы ведете себя недостойно и оскорбительно!

— Все дело в том, Олег Олегович,— сказал Дедушев,— что вы нехорошо живете. Будто в вакууме. Для вас нет людей вокруг, а есть лишь одни абстрактные функции. Топологические фигуры. Они либо способствуют достижению ваших целей, либо, напротив, препятствуют. И вы, соответственно, либо поддерживаете их существование в пространстве-времени, либо стараетесь свести их возмущающее воздействие к минимуму. Любыми доступными вам средствами. Более того. Если бы вы на сто процентов были убеждены в своей безнаказанности, то не остановились бы и перед насилием.

— Вы обвиняете меня в безнравственности,— холодно произнес Вольф.— Вы называете меня потенциальным преступником! Между тем я в своей жизни и пальцем никого не задел.

— Даже в детстве? — с любопытством спросил Колобов.

— В детстве бывало. Задевал.

— А с девочками целоваться доводилось?

Вольф побагровел.

— Вы бог весть что себе позволяете,— жестко сказал он.— Я никому не разрешу подвергать меня подобным допросам!

— Ладно, ерунда все это,— отмахнулся Дедушев.— Куда страшнее то, что вы, Олег Олегович, существуете не по человеческим законам, а в среде некоторых, чисто формальных, логических ограничений. Люди так не живут. Так могут жить лишь программы в оперативной памяти компьютеров,— он кивнул на «Коммодор». — И даже если сделать для вас исключение и воспринимать вас в качестве овеществленной программы, то окружающее вас общество, людей, природу рассматривать в виде пространства виртуальных адресов я категорически отказываюсь, и не просите. И вам не рекомендую.

— Может быть, вы потрудитесь как-то прояснить свои пока что голословные обвинения в мой адрес? — начал закипать Вольф.

— Извольте,— сказал Дедушев и, закрихтев, водрузил на журнальный столик перед собой телевизионную рухлядь, а грубый Колобов предвкушающе заерзал в кресле.

...Города планеты Роллит были разрушены до основания. В них бесчинствовал огонь. Толпы беженцев, скопившиеся в долинах, видели встающее во весь горизонт смрадное зарево. Кто-то разыскивал потерявшихся в сумятице домохозяев, кто-то отчаянно пытался навести хоть какой-то порядок, кто-то организовывал из врачей, лишившихся клиник, отряды первой — да и последней тоже — помощи.

И за всей этой бездной забот никто поначалу не обратил внимания на то обстоятельство, что губительные подземные толчки прекратились. Что ураганный ветер с ливнем не только валил с ног самых слабых, но и прибывал к земле тучи пепла, сносил с умиротворенных вулканов дымные шапки в океан. Что и океан больше не насылал цунами на избитые, изувеченные берега, напротив — с каждым часом отступал прочь, возвращаясь в очерченные для него пределы.

И когда в просвете низких туч внезапно вспыхнул краешек солнца, о существовании которого успели позабыть, — лишь тогда у несчастных роллитян возникла слабая тень надежды.

Имперские стервятники упустили из виду этот переломный момент. Им было не до того — полагая, что с Роллит покончено, они внимательно наблюдали за непрерывными попытками звездолетов Разума пробить дьявольский барьер. И ждали благоприятной возможности, чтобы вступить в бой.

На дальних от Роллит орбитах установилось шаткое равновесие сил добра и зла. Должно было произойти нечто, склонившее бы чашу весов в ту или иную сторону, вмешательство некой третьей силы. Это было неизбежно.

Незримое присутствие этой загадочной третьей силы первыми почувствовали выродки-биороботы. Нельзя было назвать смятением то, что они испытали при этом. Но и безразличием — тоже...

— Это мистификация, — произнес Вольф, тщательно протирая очки. — Вот уж не думал, что в стенах нашего института может найтись место подобным шарлатанам, как вы, не имею чести знать вашего имени и отчества...

— Игорь Рюрикович, — вставил Дедушев.

— Должен признать, что мне неясны технические средства, какими вы достигли подобного зрительного эффекта. Хотя, конечно, видеотехника уже добилась определенных успехов в своем развитии. Я вполне признаю за вами право на некоторое инженерное дарование, иначе вряд ли вам удалось бы задержаться на «Полигоне», где такое умельчество в чести. Что же касается тех целей, какие вы преследовали своей демонстрацией, то они мне предельно ясны. Вы хотите спасти реноме своего коллеги, а если выразиться точнее — соучастника. — Вольф с негодованием мотнул головой в сторону Колобова. — Но пусть у вас не останется никаких иллюзий на этот счет.

— Поимейте совесть, — сказал Колобов. — Или она не входит в число ваших программных установок? Гибнет целая цивилизация, а вы все сводите к мелочовке.

— Вы инженер, Колобов. Вы сотрудник научно-исследовательского института, что никак не является предметом гордости последнего. Но тем не менее вы обязаны отдавать себе отчет в полной невозможности подобных, с позволения сказать, феноменов. Что за метафизика такая — незримые, неосязаемые для всей научной общественности, но в то же время легко обнаруживаемые и интерпретируемые этим убогим ящиком причинно-следственные связи? Пренебрегающие расстояниями, глумящиеся над скоростью распространения света в вакууме... Где, я спрашиваю, элементарное, известное даже школьнику запаздывание обмена сигналами? Ведь реакция на ваш поступок может последовать там, среди звезд, через сотни, тысячи лет! А уж проинформированы о последствиях будете не вы, а ваши отдаленные потомки. Не говоря уже о мистической обратной связи, якобы выразившейся для вас в тягчайшем абстинентном синдроме.

— Вы, Олег Олегович, напоминаете мне лошадку в шорах, — задумчиво сказал Дедушев. — Нет, скорее ухоженного орловского рысака. В прекрасных шорах в заграничной оправе. Уперлись в актуальные постулаты физики и не желаете от них отступить, как младенец от маминой ручки. Предельность скорости света в вакууме — лишь допущение, удобное для некоторых теоретиче-

ских построений существующей науки. Меня это допущение не устроило, и я им пренебрег. Со временем на принципах внесветовой связи, заложенных в мой аппарат, будет построена новая теория относительности, а человечество прорвется к дальним звездам.

— И наткнется на ваших ублюдков,— прибавил Колобов.— На империю Моммр, то есть. Мы уж с Дедом похлопочем, чтобы до потомства было доведено, кому они должны быть благодарны за это счастливое соседство.

— В нашем институте порой происходят странные вещи,— проговорил Вольф.— Нередки, к сожалению, случаи соискания ученых степеней на недостойные темы. Под его крышей свили уютное гнездышко немало лишних людей. Гораздо чаще его сотрудники приносят своей деятельностью существенную пользу отечественной науке и производству. Но вот гениев, соразмерных Ньютону и Эйнштейну, ни в его стенах, ни вообще в пределах нашего города никогда не было.

— Я не гений,— честно признался Дедушев.

— Похвальная скромность, но вы меня не убедили,— отрезал Вольф.— Ни вашим страшиноватым синемаатографом, ни горячими паранаучными доводами, сделавшими бы честь кружку любителей оккультизма. Пусть вам удалось склонить в свою веру этого человека,— он снова брезгливо кивнул в сторону Колобова.— Но я желал бы, чтобы на мне ваши экзерсисы прервались. Иначе я вынужден буду обратиться в соответствующие инстанции.

— Это на вас похоже,— схамил Колобов.

— Что мешаает вам испытать мою правоту, Олег Олегович? — упрямо спросил Дедушев.— Совершите какой ни на есть естественный человеческий поступок и посмотрите, что произойдет с империей Моммр, а прибор я вам пока...

— Человеческий поступок? — усмехнулся Вольф.— С готовностью. Как человек здравомыслящий, я прошу вас немедленно покинуть мою квартиру, куда вас никто не приглашал. Оставьте меня в покое, пока я не обратился в милицию.

— Пошли, Дед,— сказал Колобов.— Этого биоробота в галстук тараном не прошибешь!

— До завтра, Олег Олегович,— вежливо проговорил Дедушев.

— Нет уж, избавьте меня от удовольствия еще когда-либо лицезреть вас.

— А нашу лабораторию не троньте,— уже с порога воскликнул Колобов.— Зубы обломаете. Мы вам нашу тему на поругание не дадим. Метаморфные структуры себя еще покажут!

— Благих начинаний,— ледяным голосом сказал Вольф и дверью вытеснил Колобова на лестничную площадку.

Ему пришлось проделать несколько дыхательных асан, чтобы вернуть утраченное спокойствие. С неудовольствием он отметил тот печальный факт, что на общение с двумя проходимцами было бездарно убито почти два часа. День начался неудачно, нехорошим оказалось и его продолжение.

Дедушевская пародия на телевизор все еще стояла на столике. К тому же она исправно демонстрировала Вольфу картины мнимого «звездного эха», призванного пробудить в нем некие фантастические, якобы чуждые его натуре человеческие чувства.

«Этот уродец пожирает электроэнергию,— подумал Вольф.— А мне потом придется платить из своего кармана». Он нагнулся, чтобы выдернуть вилку из розетки. И обнаружил, что никакой вилки нет и в помине. Да и шнура, кстати, тоже.

— Занятно,— процедил Вольф сквозь зубы.— Хотя и поджентльменски. Внутренние аккумуляторы?

Он внимательно обследовал телевизор со всех сторон. Создавалось впечатление, что тот вообще не имел источника питания. Кинескоп был на месте, еще были какие-то рудименты трансформатора, останки схемы на транзисторах и лампах. Зато куда попало, вне всякой схемы, были впаяны куски явно чуждых здесь микромодулей. «Умельцев у них там, в «Полигоне», что и говорить. Затейники! Пыль в глаза пускать — тоже немалое искусство». Вольф нашарил на обломке передней панели выключатель и пощелкал им, надеясь, что весь этот мираж рассеется. Вместо

того, чтобы угаснуть, телевизор с садистской услужливостью сменил картинку — теперь это были не черные корабли-хищники, за безнравственное поведение которых якобы нес ответственность Вольф, а пейзажи гибнущей планеты Роллит.

— Мистика...— пробормотал Вольф.

Он не поленился сходить в ванную за резиновыми перчатками и подсел к хулиганствующему телевизору вплотную. Для начала он ощупал его сверху донизу в поисках еще каких-нибудь выводов для управления. Затем безжалостно отодрал от кинескопа все провода, какие только могли соединять его с мифической, неосязаемой органами чувств и, в чем особенно стыдно было сознаться, непонятной кандидату наук Вольфу схемой усиления и развертки. Но и абсолютно изолированный от чего бы то ни было кинескоп демонстрировал все те же задымленные, залитые лавой ландшафты Роллит. Вопреки же элементарной логике он охотно отозвался на щелканье никак с ним не связанного выключателя и снова ткнул в нос деморализованному Вольфу галактический натюрморт — настороженно зависшие в пространстве звездолеты империи Моммр.

Вольф вдруг совершенно отчетливо осознал, что если он сейчас не выключит телевизор, то сойдет с ума. И это будет очень некстати, потому что завтра — ученый совет.

За кусачками Вольф не пошел. Он принялся драть дьявольский прибор в клочья собственными руками. Лампы, триоды, микромодули полетели на пол. Тонко пели отрываемые провода в цветных пластмассовых одежках. Поднатужившись, Вольф выломал кинескоп из каркаса и, прижимая его к себе, на коленях отполз от руин агрегата в другой конец комнаты. Затем осторожно, одним глазком покосился на экран.

Черные тени галактических стервятников на фоне пыльно-багрового диска Роллит.

Рассудка Вольф, разумеется, не утратил.

«Ясно одно,— мысленно рассуждал он, сидя на полу и обсаывая уколотый о какую-то проволоку палец.— Видеозапись здесь ни при чем. И потому совершенно неважно, выключу я прибор или нет. Дела это не меняет. Корпус, схемы — антураж, все

дело в кинескопе, но туда я не полезу. И вообще следует вернуть прибору его прежний вид. Но эксперимент необходим. Мне было сказано: нехорошо живу. А что в их понимании значит — жить хорошо? Критерии размыты. Существуют нормативные акты, некие нравственные устои. И я их не нарушаю. Я живу нормальной, правильной жизнью. Никому не мешаю... если мне никто не мешает. Любопытно, какой бы поступок мне следовало совершить, чтобы они назвали его естественным?»

За стеной на лестничной площадке послышался какой-то очень уж громкий топот, а затем немзыкальный женский взвизг. Вольф бережно отложил кинескоп и помотал головой, возвращаясь к реальности. Там, на площадке, продолжали топтаться, словно кому-то пришла фантазия сплясать зажигательный восточный танец в столь неподходящем месте. Женский вопль повторился.

Вольф поднялся и прошел в прихожую. Конфузливо морщась, прильнул ухом к двери.

— Сатана ты растреклятая! — услышал он голос соседки по площадке, престарелой женщины с богатым трудовым прошлым. — Налил шары! Не тронь бабу, а то живо милицию вызову!

— Я те вызову! — рявкнул в ответ. — Закройся и сиди, пока я и тебе не поднес!

— Господи, и когда же тебя, паразита, посадят? — запричитала соседка. — И когда ж ты башку себе своротишь на радость добрым людям? Ведь ни стыда у тебя ни совести, черт нетрезвый! Вот где душман-то еще сыскался на нашу погибель...

— У-уйди, старая рухлядь! — заорал пьяный, глухо стукнула дверь, а где-то наверху снова заплакала женщина.

«Куда же смотрит общественность? — сердито подумал Вольф, с некоторым удивлением обнаруживая у себя скачок сердцебиения. — Адреналин поступил в кровь — ни к чему бы. Ничего, сейчас почтенная дама позвонит куда следует, и это безобразие закончится». Он повернулся было, чтобы уйти в комнату, к своим проблемам, и вдруг вспомнил, что на площадке он единственный располагает телефоном. «Дебошира надо унять, — решил Вольф. — Придется сделать анонимный звонок, хотя это и не в моих правилах».

— Ма-а-ама! — заголосила женщина.

Вольф с лязгом распахнул дверь.

— Немедленно прекратите хулиганство! — негодуяюще воскликнул он.

Медведков — ибо это был, конечно, Медведков — выпрямился во весь немалый свой рост и мрачно поглядел на Вольфа.

— Это еще что за хрен с горы? — спросил он тихо, но многообещающе. — Не слышали такого, не видали...

— Кого вы там преследуете? — продолжал Вольф. — Потрудитесь найти зеркало и с его помощью убедиться в своем скотском подобии, прежде чем приставать к женщинам!

«Хорошо сказано, — одобрил себя Вольф. — Как на соискании. Но этот тип не оценит. Как бы ему сказать подходчивее, чтобы он все понял и убрался?»

— А это не женщина, — зловеще произнес Медведков, надвигаясь. — Это мне жена. Это она тебе небось женщина, клизма ты очкастая.

— Как вы смеете?.. — начал было возвышать голос Вольф.

Тррах!.. Щелк!.. Звяк, звяк... Тяжелый и, должно быть, грязный кулак Медведкова врезался в лоб Вольфу. Темные очки слетели прочь и разбрызгались о бетонную стену.

— Коля! — закричала Анжелика откуда-то сверху. — Что ты делаешь?!

Ббух!.. Стук-стук-стук... Не менее весомый кулак Вольфа вопреки воле хозяина и чаяниям Медведкова вцепился последнему в зубы, и тот покатился по ступенькам вниз, прямо в объятия участковому уполномоченному, вызванному кем-то из телефонизированных жильцов с других этажей. «Зараза, — подумал Вольф, растерянно глядя на кровоточащие пальцы. — Оказывается, это больно — бить кулаком в лицо!» И тут он вдруг осознал, что впервые за последние пятнадцать лет выругался.

Распростившись с Дедушевым, который был весьма огорчен результатами визита к патрону зловредной империи, Колобов сбежал в гастроном за минералкой. Поборолся с искусом прику-

пить сигарет — и здесь ему удалось убедить себя, что райские условия для роллитян тоже ни к чему, и некоторая острота ощущений пойдет им только на пользу. Держа в охапке четыре бутылки «Арзни» и блок «Ту», он свернул в аллею, что вела к его дому. Про себя он именовал этот отрезок дистанции «Аллеей сфинксов» — главным образом из-за многочисленных старушек, дневавших и едва ли не ночевавших на скамейках на всем протяжении пути к подъезду, где ни один прохожий не мог бы укрыться от скрупулезного исследования и систематизации под перекрестным огнем их дальнозорких глаз.

Сегодня старушки настороженно и выжидательно молчали, глядя на Колобова. Напрасно он ломал себе голову, чем вызван такой нездоровый интерес к его персоне, и не учудил ли он вчера чего-либо нештатного, возвращаясь от Бабьева. Лишь подойдя к самому крыльцу, он догадался о причинах их повышенной боеготовности.

На самой последней скамеечке «Аллеи сфинксов» в полном одиночестве сидела крепенькая, будто молодая репка, красивая девушка по имени Верочка Лисичук. Наряд ее, разумеется, не мог пробудить в старушках ничего, кроме осуждения: белый, подчеркнуто просторный блузон плюс розовые, чересчур короткие даже по мнению Колобова брючки. И самое-то странное, что все эти модные нелепицы смотрелись на Верочке очень мило. Прямые соломенные волосы девушки были увязаны на макушке высоким жгутом. Верочка Лисичук делала вид, будто читала интересную книгу, но прикидываться она не умела. Да и книга-то в ее руках называлась «Живое и мертвое в индийской философии» — разве мыслимо такое читать юным девам?

Внутри Колобова что-то хрупнуло и оборвалось. «Неужели меня дожидается? Вот не было печали...»

— Верочка! — с живостью, более приличествующей бодрящемуся селадону, нежели научному сотруднику с восьмилетним супружеским стажем, пропел Колобов. — Какими судьбами в наших краях?

«Убить тебя мало, — мысленно очертил он в свой собственный адрес. — Нет бы прикинуться шлангом и незаметно юркнуть

в подъезд! Теперь-то уж Роллит накрылась бесповоротно. А собственно, чего я засуетился? Что же, мне теперь и с девушкой не поболтать, тем более — сотрудницей родного института?! Всегонавсего тесные контакты третьего рода между дружественными цивилизациями Роллит и Найви!»

— Здравствуйте, Вадим,— сказала Верочка.— Я загадала: если вы притворитесь, что не заметили меня, то я не заговорю с вами. А если наоборот...

— Ну это уж чересчур! — разливался соловушкой Колобов.— Такой критерий страдает излишней мягкостью. Чтобы тебя не заметить, нужно быть слепым от рождения.

— Вы не пригласите меня в гости? — спросила Верочка и пошла пятнами.

— Приглашу,— сказал Колобов.— Если вы поклянетесь не открывать там своих очей. Я еще нынче не прибирался.

Пропуская Верочку вперед, он спиной ощутил нахлынувшую с «Аллеи сфинксов» волну осуждения.

— Вот,— донеслось до него.— Жена за порог...

— Все они нонеча таковы. А вот давеча бывало...

На лестнице и в прихожей Верочка упорно молчала, прижимая «Живое и мертвое» к себе, словно щит. «Ну и амбре тут у меня,— устыдился Колобов.— Как в гусарской казарме, или где они там жили». Проходя в комнату, девушка украдкой бросила взгляд на себя в пыльное зеркало. Как бы ненароком одернула блузончик, дотронулась до стянутого шнурком с двумя красными шариками соломенного хвостика на макушке.

— Верунчик, хочешь кофе? — спросил Колобов с наивозможнейшей непринужденностью.

— Хочу,— промолвила Верочка.— Как тут у вас...

— Паршиво, ты имеешь в виду? Загажено? Да, имеет место. Но ведь еще полвоскресенья впереди, успеется навести глянец.

— Нет, не то. Я хотела сказать — уныло.

— Уныло? — Колобов развел руками.— А как должно быть в квартире одинокого, пусть даже временно, мужчины?

Тут он вспомнил внутреннее убранство квартиры Вольфа и устыдился вторично.

— Свилярник, конечно,— пробормотал он.— А пойдем на кухню, там как-то уютнее.

— Хотите, я у вас тут подмету? — вдруг предложила Верочка.— И пыль сотру?

— Это зачем? — окончательно смутился Колобов.— Не надо этого!

Потом они сосредоточенно, самоуглубленно пили кофе.

— Вот, читаешься индийской философии,— попытался со-
строить Колобов,— умная будешь. Серьезная.

— Я не от этого серьезная,— промолвила девушка.

— А от чего?

Верочка молча уткнулась в чашку.

— Еще? — спросил Колобов.

— Нет, спасибо. Много кофе вредно.

— Да, на сердце плохо отзывается. А нам с тобой ой как
нужны здоровые сердца.

«Не то фиг твои найвиане меня спасут»,— добавил Колобов
про себя, собрал чашки и понес их в мойку.

— Вадим,— сказала Верочка.— Давайте я вымою посуду.

— Нетушки. В этом доме привилегия мыть посуду навечно за-
креплена за мной. Никто так искусно не управляется с посудой,
как мы, мужики.

Он покончил с чашками, махнул полотенцем по столу и сел
напротив Верочки. Некоторое время они в полной тишине смотре-
ли друг на дружку. «Что же мне с ней теперь-то делать? Самое
умное — выпроводить как-нибудь. Дернула же нелегкая за язык.
Или тряхнуть стариной, закружить девочке голову?.. Тоже, соб-
лазнитель сыскался, бонвиан немаканный. На себя бы лучше
посмотрел, да тошно небось».

— Так что у нас случилось, Верунчик?

— Что случилось? — медленно повторила она, словно с тру-
дом вникая в смысл вопроса.— Ничего не случилось... Спасибо за
кофе. Я, наверное, пойду. Уже поздно.

— Поздно?! — возопил Колобов.— Час пополудни!

— Мне в библиотеку.

— Так не работает же библиотека!

— Ну... все равно, я пойду,— Верочка решительно поднялась.

В прихожей она, упорно не выпуская из рук нелепую в сочетании с ней книгу, влезла в туфельки и принялась возиться с замком.

— А он у вас не работает,— сказала девушка с укоризной.

— Да я знаю,— досадливо произнес Колобов.— Как-то все странно...

— Ничего странного,— ясным голосом проговорила Верочка.— Я вас люблю.

Она испытующе посмотрела на Колобова, ожидая, что того ошеломит ее признание. Она не знала, что Колобов уже был подготовлен.

— Веруня,— сказал он ласково.— Ну зачем тебе это?

— А это всегда незачем. И некстати. Может быть, потому что сегодня воскресенье. И греет солнышко.

— Я же старый. Мне скоро тридцать пять. Я живу неправильно. Я ленивый. Я все время курю и говорю пошлости.

— Я знаю.

— Я женат. Моя жена — очень хороший человек.

— Знаю.

— И что же нам теперь делать?

— Ничего не нужно делать. Все будет по-прежнему. Я никогда больше не повторю вам этих слов и не приду в вашу квартиру пить кофе. Только вы будете знать, что я — вас — люблю.

— А зачем мне это знать?

— Понимаете, Вадим... Если мужчину любит только жена, значит, он действительно живет не очень правильно. Жена ведь знает его лучше, чем окружающие, она ближе всех к нему, а от окружающих он закрылся в своей раковине. Но если мужчину любят и другие женщины — тогда для него еще не все потеряно. Когда его любит слишком много женщин — тоже дурно. А две женщины — это, по-моему, в самый раз.

Верочка повернулась и быстро затарахтела каблучками по ступенькам. Ошарашенный Колобов плотно закрыл дверь, убред на кухню и единым духом опорожнил бутылку минералки.

— Вот она, женская логика во всей красе,— хмыкнул он, расковыривая пачку сигарет.— А может быть, я и взаправду не такая уж мнимая величина, как привык думать о себе? И приучил к тому окружающих? С детства готовлюсь к пенсии, пизжон...

Он с яростью затаился и посмотрел на тлеющий кончик сигареты. Потом перевел взгляд на сияющее за окном небо. Внезапно он испытал странное чувство родства с этим огромным, чистым небом. Там, за этой слепящей голубизной, жила не чуждая ему Галактика. И он не был ей чужой.

— Гад Вольф! — сказал он решительно.— Тебя сколько женщин любит? Паразит... Закройте нашу тему? Лабораторию разогнать?.. А дулю тебе!

Прервав его филиппики на полуслове, настойчиво зазвонил телефон. Колобов ткнул сигарету в угол рта и кинулся в комнату.

— Верочка! — заорал он в трубку.— Спасибо тебе, хорошая ты девушка!

— Это не Верочка,— после затяжной паузы ответили ему.— С чего ты взял, будто тебе может звонить Верочка? На кой ты ей сдался, старый сатир? Это я, Дедушев.

— Ерунда,— сказал Колобов беспечно.— Рано вы все на мне крест начертали, господа присяжные заседатели. Я еще поведу богатырским плечом и обращаю ваш занюханный переулочек в просторную улицу светлого Завтра!

— Ладно тебе,— скучным голосом сказал Дедушев.— Не блажи попусту. Жду тебя через полчаса. В парке возле ротонды.

— Зачем? — встрепенулся было Колобов.

Но Дедушев уже повесил трубку.

...Несмотря на всю скудость накопленной информации, обе противостоящие силы имели некоторое представление о своих противниках. Пусть это были косвенные, неподтвержденные сведения, но какую-то ясность они вносили. По крайней мере понятно

было, кто ждет тебя по ту сторону барьера, чем тебя встретит и куда уйдет в случае поражения. Звездолеты Соединенного Разума и империи Моммр использовали сходные принципы передвижения в пространстве и в силу общих законов эволюции создавались на основе родственных технологий.

Но никто не знал, даже вообразить себе не мог, что же такое эти загадочные Ччарр, откуда они пришли в Галактику, если ни на одной из планет не осталось никаких следов их зарождения; где и когда они проявят себя в очередной раз и в чем это выразится. В том, что они наделены интеллектом, мало кто сомневался — настолько разумны были их действия. Передвижения планет и подкачка гаснущих звезд в мертвых системах. Полная разрядка готовых взорваться и разнести вдребезги все окрест коллапсаров. Стабилизация сверхновых, уже вовсю разгорающихся. Да мало ли еще... И не было у Ччарр звездолетов — только сгустки энергии, трепещущие в сетях силовых полей, несущиеся неведомо откуда незвесть куда.

Рой именно таких энергетических сгустков и пронесся ураганом между замершими в напряженном ожидании противниками, по самой кромке разделявшего их барьера.

И барьера не стало.

Промелькнувшие, будто призрачный след неведомой доселе, непознанной, фантастической ипостаси мироздания, Ччарр так же безмолвно канули во мрак. Понимали ли они то, что сделали? Ведали, в какой вселенский водоворот событий вмешались? И догадывались ли вообще о существовании в этой открытой для них во всех направлениях звездной пустыне кого-либо еще, кроме них самих — могучих, свободных, неподвластных ни пространству, ни времени?..

Звездолеты Соединенного Разума медленно, осторожно двинулись вперед — к закутанной в кокон кипящей атмосферы планете Роллит. В любую минуту с любой стороны могла последовать отчаянная, бессмысленная, беспощадная атака стервятников Моммр.

Но она не последовала.

Мертвенные, зловещие тени имперских звездолетов проплыва-

ли мимо, таяли позади. Они были недвижны. Не отвечали на запросы — как всегда. Но и не нападали.

Что с ними произошло? Неужели беззаботные Ччарр мимоходом, за какие-то доли мгновения уничтожили их экипажи?

Нет — чуткие приборы звездолетов Разума регистрировали интенсивный информационный обмен между кораблями-стервятниками. Похоже, им попросту не было дела до того, что происходило вокруг.

Не переставая строить самые невероятные догадки по поводу случившегося, спасатели устремились к многострадальной Роллит...

Угодив в участок милиции, Вольф утешал себя тем, что некоторое разнообразие впечатлений ему не повредит. Правда, ему все же довелось испытать несколько неприятных минут, когда увешанный мусором с пересчитанных им ступенек лестничного пролета Медведков воспользовался отлучкой участкового и принялся беззастенчиво клепать на Вольфа. Что он, Медведков, возвращался-де из гостей под ручку с законной супругой Анжеликой Юрьевной, был выпивши — конечно, самую малость, — он свою меру знает, а в подъезде на него напал трезвый, а потому особо опасный — ибо руководствовался холодным расчетом, — сознательно решивший бросить вызов рабочему классу в лице его, Медведкова, переродившийся, мать его всяко, интеллигент Вольф с преступной целью выместить свою мелкобуржуазную ненависть к пролетариям всех стран, а также предать публичному поруганию его, потомственного пролетария Медведкова, потомственную пролетарскую жену. Ну и не сдержал он себя, ответил на оскорбление. А если вышеперечисленный перерожденец в процессе его, пострадавшего за свою классовую сущность Медведкова, зверского избиения где-то обронил очки, то пусть пеняет на себя, пусть убыток возместят ему западные спецслужбы, а за нарушение конституционных прав трудящегося на отдых и брак нехай ответит по всей строгости советских законов. Рука дежурного сержанта потянулась за чистым бланком протокола,

и этот жест обещал Вольфу мало хорошего. Запахло письмом в институт, проработкой, понижением, прикрытием тематики, урезанием ассигнований. Но тут в участок ворвались свидетели во главе с доблестной пенсионеркой, звали которую, как впервые за период соседствования с ней узнал Вольф, Ганной Григорьевной. Ситуация резко изменилась, и Медведков только успевал пригнаться под пущенными в него зарядами обвинительной карточки. Его положение усугубил отлучавшийся по своим делам участковый уполномоченный Избушкин.

— Какой ты пролетарий, Медведков,— сказал он устало.— Прыщ ты на теле рабочего класса. А за демагогию, за неправомерное употребление не относящихся к тебе высоких понятий, тобою обмаранных, я тебе дополнительно впаяю что смогу. Побитые товарищу интеллигенту очки возместишь из своего кармана. И вообще у нас с тобой разговор нынче предстоит особый!

— Товарищ майор! — благородно вмешался Вольф.— Я хотел бы сделать заявление.— При этом его внутреннему видению неотступно являлся прекрасный лик рыдающей Анжелики.

— Лейтенант,— поправил его Избушкин.— Слушаю вас, товарищ потерпевший.

— Лично я не имею к гражданину Медведкову никаких претензий. Потому прошу освободить его из-под стражи.

— Дает интеллигент! — изумился Медведков.

— Это дело вашей совести,— мрачно сказал Избушкин.— Зато у государства есть претензии к гражданину Медведкову, и немалые. Так что все свободы, товарищи, повестки вам будут разосланы. Медведков, я отпустил только товарищей, а ты у нас нынче гражданин, потому сядь, где сидел!..

Потрясенный Вольф поплелся домой. Его жизненный вектор, сильно погнутый в результате недавних событий, уже не смотрел вперед, в будущее, горделиво и самоуверенно, а нелепо болтался и дребезжал. Внутри у Вольфа установилась странная холодная пустота, и эта пустота время от времени гнусно екала. Саднила рассаженная шершавым медведковским кулаком бровь. Окружающий мир без темных очков с диоптриями казался пугающе

размытым, иррациональным. «Сбили с лошадки шоры,— горько думал Вольф, карабкаясь на свой этаж.— А лошадка и дорогу потеряла». Под ногами хрустели стеклянные брызги. Хрустело само пространство-время, недавно еще привычно четкое, понятное во всех его измерениях, обжитое, а теперь вдребезги разбитое грубым вторжением чуждой, потусторонней реальности.

У двери Вольф пошарил в карманах... и не обнаружил там ключей. Подобного с ним отроду не бывало. Чтобы выйти из дома и забыть ключи!.. Да ведь куда он играл в графа Монте-Кристо в участке, у него из квартиры все вынесли! Мебель, утварь, тряпки, деньги — черт с ними, но книги и компьютер с памятью, которая уже давно была частью памяти самого Вольфа!.. Обливаясь холодным потом, Вольф толкнул дверь — та легко подалась. Он ринулся вперед, изнывая от предчувствий.

Все осталось на привычных местах. Книги в стеллажах, компьютер на столе. Раскуроченный прибор Дедушева был рассеян по полу, кинескоп валялся в углу, зловеще мигая. Вольф достал из ящика стола запасные очки, приладил их на нос... В кресле у журнального столика очень неудобно, скованно, зажат сидела Анжелика.

Поскольку регламентирующая программа в мозгу Вольфа засбоила капитально и, судя по всему, надолго, он не нашелся, что сказать, и самым дурацким образом остолбенел с открытым ртом.

— У вас была незаперта дверь,— промолвила Анжелика низким, чуть хрипловатым голосом.— Я решила присмотреть за квартирой до вашего возвращения. Теперь вы появились, и я ухожу.

Она начала высвобождаться из своей сдавленной позы — словно античная статуя из бесформенного куска мрамора. Екающая пустота внутри Вольфа понемногу заполнялась чем-то густым и теплым, а сам он, ощущая противоестественную слабость в коленях, сползал вдоль стены на случившуюся весьма кстати банкетку. Не окажись банкетки — так и стек бы прямоком на пол.

— Вы... очень красивая,— пробормотал он.— Вы хотя бы подозреваете об этом?

— Подозреваю,— просто сказала Анжелика.— У вас много книг. Я уже отвыкла от такого количества. Винер, «Кибернетика и общество»... Тьюринг... Глушков... Лем... Когда-то я читала все это. Когда-то... тысячу лет назад,— она провела пальцем по пыльным корешкам.— Вы давно их не доставали. Почему?

— Это...— произнес Вольф, не отрывая от нее взгляда. Ему не хотелось говорить о книгах. В голову лезли совершенно иные вещи.— Это базис. Фундамент. А я давно уже возвожу свои стены.

— Мне не пришлось достроить даже фундамент,— продолжала Анжелика.— Четвертый курс университета. Случайная встреча. Пылкая, вулканическая любовь с первого взгляда. Пусть все летит в тартарары, с милым рай и в шалаше!.. И вот я здесь, в шалаше — и милый бродит где-то рядом. Да только рай не удался.

— Почему так обреченно, Анжелика? Все еще можно исправить.

— Кино,— усмехнулась она.— Или дешевая производственная проза из толстых периферийных журналов. Ничего и никогда нельзя исправить. Для этого нужно вернуться в свою молодость, а машина времени пока еще не придумана. Мне уже двадцать восемь. Студентка из меня не получится — я не хочу знаний. Я научилась их хотеть. Зато я научилась обвешивать покупателей, зажимать сдачу и припрятывать кой-чего для дома, для семьи. И ругаться с целым светом — с теми же покупателями, с грузчиками, с завсекцией. Вот это наука, ни в одном университете ее не преподают!.. Зачем я говорю это вам? Наверное, потому, что мы сосуществуем в параллельных пространствах, которые никогда не пересекутся. Вы чужой, вы из антимира. Сегодня какое-то совершенно ненормальное воскресенье. Но завтра будет обычный понедельник, и все пойдет по старой накатанной колее. Вы умчитесь по своей трассе в антимир, а я поковыляю по своему бездорожью в постылый, провонявший овощной гнилью магази-

нишко. И вы забудете мои слова, да и меня тоже. А мне будет легче: я на миг соприкоснулась с тем, что когда-то потеряла. Побывала в своем пространстве... куда уже больше ни ногой.

— Вы любите его?

— Люблю? Иногда я мечтаю, чтобы кто-нибудь из нас умер. Но ничего не происходит, и не произойдет. Он даже в тюрьму угодить не способен, не тот склад характера. Он у меня прирожденный мелкий хулиган. Вечером он вернется из участка, повалится мне в ноги, будет каяться, клясться, что с понедельника все пойдет иначе, будет просить прощения. И я его прошу. Что же мне с ним делать еще? А потом наступит понедельник... такой же, как и все понедельники в этой жизни.

Вольф сидел в своем углу, таращился на Анжелику и понемногу терял остатки рассудка. С каждым мгновением она изменялась — прямо на его глазах. И он уже начисто забыл свою обычную отстраненность, замешенную на непреходящем самоанализе, потому что Анжелика была прекрасна и делалась все прекраснее, попирая своей красотой все допустимые пределы совершенства. И ничего не было в ней вульгарного, и встрепанные черные волосы были ей к лицу, и потеки туши на щеках ее не уродовали, и платье вполне уместно не скрывало ее стройных ног. И засбоила вольфовская душа-программа, и увязался в морской узел вольфовский жизненный вектор, и вся эта прежняя ерунда пошла прахом.

— Вы знаете, Анжелика,— проговорил Вольф.— Сегодня с улицы пришли два человека и сказали мне, что я неправильно живу. Я не поверил им, а они мне доказали это как дважды два четыре. Я их прогнал, потому что все равно не поверил. И когда они ушли, жизнь принялась мне вдалбливать их доказательства с бешеной силой. Я даже пострадал,— он осторожно потрогал ссадину.— Все мы живем не очень правильно. У кого-то рассогласование больше, у кого-то меньше. А кто-то, как я, не хочет верить в свою ошибку. И упирается, охраняя вектор своей жизни, устремленный в темноту. В антимир. Потому что привык, потому что удобно!.. Человек не может правильно жить

в вакууме, в пространстве, не заполненном другими людьми. Обидно, что понял это, когда молодость, в общем-то, миновала, когда на голову рухнул четвертый десяток, и столько лет прошло впустую. Нет, разумеется, что-то сделано, что-то достигнуто — но какой ценой! И цена высока не столько для тебя самого, сколько для окружающих. У меня нет друзей. У меня есть только оппоненты!

— У меня тоже,— сказала Анжелика.— Только продавцы и покупатели. И муж, сосед по шалашу.

— Я ничего не смыслю в людях! — произнес Вольф с ожесточением.— Они для меня — функции, я не вспоминаю о том, что у каждого из них есть не только настоящее, но прошлое и будущее! Ко мне пришли двое, они хотели мне помочь, а я принял их за прохвостов, преследующих свою мелкую выгоду! Каждый день я видел вас на лестнице, но никогда не думал о вас иначе как о продавщице овощного магазина и жене люмпена! Мне и в голову не приходило, что вы двигались по жизни тем же путем, что и я, но мы трагически разминулись на каком-то перекрестке. Нужно что-то менять!

— Да нужно ли?

Анжелика шла к нему через всю комнату, а ему казалось — плыла, потому что у него кружилась голова, вокруг рушились стены, проваливался в преисподнюю пол под банкеткой, раскалывался и возносился в безвоздушное пространство потолок. Анжелика подошла совсем близко, ладошкой провела по его щеке, осторожно коснулась боевой раны возле глаза.

— Больно? — спросила она тихонько.

— Ничего. Иногда бывает полезно испытать боль — впервые за много лет...

— Это воскресенье,— шептала Анжелика, глядя его по голове.— Сумасшедшее воскресенье. Все кувырком, потому что мы изо всех сил стараемся воскреснуть для новой жизни. Такой уж это день. И ничего-то у нас толком не выходит... Вот оно закончится, и все пойдет, как и шло. И ничто не изменится.

— Я так не хочу,— бормотал Вольф.— Я хочу, чтобы измени-

лось. Я жил неправильно. Я спутался с дурной компанией... империей Моммр.... звездное эхо... обратная связь...

Он чувствовал себя маленьким и слабым. Ему было жаль себя, несчастных роллитян, жаль всех несчастных и обездоленных во Вселенной. Жаль — и много больше, нежели просто жаль — Анжелику. Ему хотелось плакать, отчего — он не понимал, хотя еще недавно ему мнилось, будто он понимает все на свете.

«Анжелика, что вы станете делать, если я скажу вам, что люблю вас?» — «Ничего не стану делать. Просто не поверю. Так не бывает». — «А вы знаете, как бывает?» — «Наверное, знаю». — «Нет, не знаете. И никто не знает». — «Но вы этого не скажете. Потому что я замужем. И сейчас пойду домой, к мужу». — «Я скажу. Только соберусь с силами — и скажу. А потом идите куда угодно». — «Зачем вам это?» — «Это всегда незначит...»

Где-то на другом краю плоской Земли аварийной сиреной взвыл телефон. Вольф вздрогнул и открыл глаза. Анжелика тоже вздрогнула и отстранилась. «Зачем? Ну зачем он звонит? Я ни с кем не хочу разговаривать, кроме нее».

Вольф поднялся, прошел к телефону, снял трубку.

— Олег Олегович? — спросил кто-то малознакомый.

— К вашим услугам.

— Это Дедушев. Тот самый. Я прошу вас о встрече, прямо сейчас. Дело чрезвычайной важности. И прихватите с собой прибор. Он, должно быть, сильно вас стесняет.

— Я не могу... сейчас.

— Потом будет поздно. Приходите в парк, к ротонде. Я жду вас...

В трубке запищало.

Вольф беспомощно обернулся к Анжелике.

— Мне надо уйти, — сказал он. — Ненадолго.

— Конспиративная встреча? — спросила она с вымученной улыбкой.

— Я прошу вас, — промолвил Вольф. — Нет, умоляю. Дожди-

тесь меня здесь. Я еще не все сказал вам. И потом,— он собрал остатки душевных сил, чтобы соврать более или менее правдоподобно,— я потерял ключи от квартиры, а за ней нужен постоянный присмотр.

Дедушев сидел на свежепокрашенной скамейке в тени облупленной ротонды, памятника архитектуры прошлого, а то и позапрошлого века. Он курил, вернее — пытался это делать, должно быть, впервые в жизни. Дым валил из него, как из паровоза.

— Дед, ты спятил? — испугался Колобов. — Ты же помрешь от позднего токсикоза!

— Пусть,— прокашлял Дедушев.

— Здесь покрашено, и ты теперь будешь сзади походить на каторжника.

— Мне это подходит.

Колобов покрутился возле умерщвлявшего свою плоть Дедушева и неловко пристроился на краешке бетонной урны.

— Ты можешь мне объяснить, что происходит? — спросил он. — Какой-то безумный день, или Женитьба Фигаро. С утра ты затеял свою аферу со звездным эхом. Потом мы наведываемся к Вольфу для восприятия от него пинков. После обеда ко мне заявляется... — тут он прикусил язык, чтобы не сболтнуть лишнего.

Дедушев пожевал сигарету и не глядя бросил ее в Колобова — тот едва успел увернуться, пропуская окурочек по назначению. В этот момент в аллее стремительно возник Вольф с кинескопом под мышкой. При виде этого непередаваемого зрелища Колобов ахнул, а Дедушев часто-часто заморгал слезящимися глазами.

— Добрый вечер,— произнес Вольф крайне деловито. — Я готов выслушать вас. Только прошу всемерно ускорить изложение, поскольку я не располагаю достаточным временем.

— Это мы уже сегодня слышали,— сказал Колобов. — Что с вами стряслось, Олег Олегович? Неужели выпали с лоджии? И где ваш галстук?

— Неважно,— сказал Вольф, потянув кончик галстука из кармана и тут же затолкав его назад.

— Не садитесь со мной! — закричал Дедушев.— Здесь покрашено!

— Благодарю вас,— сказал Вольф и сел рядом.— Итак, начинайте, Игорь Рюрикович.

— Вы все спятили,— промолвил Колобов убежденно.— Но только не подумайте, что я буду третьим в вашей палате.

— Заткнись, Колобок,— сказал Дедушев грубовато.— Я собрал вас, господа, чтобы сообщить вам...

— Нельзя ли без ерничанья? — нетерпеливо оборвал его Вольф.

— Можно. В общем, я вас всех разыграл.

Дедушев соскочил со скамейки, нервно обежал ее кругом и снова сел.

— Что значит — разыграл? — спросил Колобов сварливо.

— Это значит, что никакого звездного эха не существует. И все вы живете сами по себе, ни с какими галактическими процессами не связаны. И можете хоть всю жизнь ходить на головах, спиваться, безобразничать — ничего и нигде, кроме нашего города, не произойдет.

— А как же... катаклизмы? Бедствия? Роллитяне?

— Все это я выдумал,— Дедушев скорчил язвительную физиономию.— Ты же инженер, Колобок. У тебя высшее образование. Неужели ты допускаешь, что я, простой технарь, смогу придумать сверхсветовую связь, да еще при посредстве некондиционного телевизора из магазина «Юный техник»?

— Но ты же говорил...

— А у тебя своя голова есть на плечах? Если я тебе скажу, что нужно выброситься из окна, чтобы взмыть в небо, ты пойдешь бросаться?

— Но эта бандура что-то показывает! — горестно вскричал Колобов.

— Один момент,— вмешался Вольф.— Игорь Рюрикович Как вы заметили, я освободил ваш прибор от... э-э... излишнего деко-

ра. За что прошу прощения. Тем не менее он продолжает транслировать вполне удобовоспринимаемые изображения якобы из окрестностей планеты Роллит. Если пощелкать выключателем, который у меня в кармане, прибор демонстрирует нам корабли пресловутой империи Моммр возле воздвигнутого ими силового барьера, который, как мне представляется, отчего-то пропал. Удовлетворите мое любопытство, объясните, как все это работает — без видеозаписи. Что именно нам показывают, если это не Роллит, и как именно это делается. Лично я не в состоянии пока разгадать этот ребус!

— Что ж вы,— сказал Дедушев.— А называется кандидат наук.

Он отобрал у Вольфа кинескоп, быстро свинтил тубус и потряхнул на ладонь обычную круглую батарейку.

— Там еще видеогенератор с микропроцессором,— добавил он.— Вроде вашего «Коммодора», только отечественный. А в нем зашита программа смены картинок.

— Но эти экзотические названия? Вы же не могли их выдумать!

— Конечно, не мог,— усмехнулся Дедушев.— Где уж мне? Я их позаимствовал из одного романа. Фантастического. Люблю, знаете, фантастику...

— Дед,— прохрипел Колобов.— Ох, и гад же ты!

— Зачем вы это сделали? — спросил Вольф сдавленно.

— Проснулся утром. Солнышко светит, воскресенье на дворе. Благодать! Вот я и подумал: почему люди живут неправильно? Почему звезды ходят по правильным орбитам, а люди петляют и кружат? Как им помочь осознать, что каждый человек будто звезда — не песчинка в пустыне, а галактический объект?

— И помог, зануда,— злился Колобов.

— Но отчего вы не ограничились своим другом? — беспокоился Вольф.— Отчего набросились на меня?

— Это чистая случайность. Вдохновение какое-то нашло... На вашем месте мог оказаться кто угодно.

— Дед,— застонал Колобов.— Что ты за зверь такой? Я же тебе поверил. Я же новую жизнь решил начать. Ты мне всю душу вывернул своим телевизором. Я думал — с понедельника за ум возьмусь, тематику разгребу, с диссертации пыль сдую! А ты меня — под дых... Да я же сейчас пьян напьюсь, Верочку Лисичук соблазню, еще что-нибудь сотворю, только бы изнутри не взорваться!

— Что и говорить,— зло произнес Вольф.— Мало того, что ложь безнравственна сама по себе. Так вы еще взяли на себя право судить, кому и как жить! Откуда вам знать, что правильно, а что нет? Вы сами лишены твердых нравственных принципов! Я по вашей милости сегодня подрался!

— Это любопытно,— сказал Дедушев.— Надеюсь, вы никогда больше так не поступите. Это вредно для вашего галстука.

Он вдруг с ожесточением стукнул кулаком по колену.

— Господи! Почему вы не можете без подпорок? Почему вам все время нужны то десять заповедей, то моральные кодексы, то звездные сказки, чтобы оставаться людьми?! Ладно, братцы,— мигом погас он.— Пора давать занавес. Живите как умеете.

Дедушев с треском отклеился от скамьи, подхватил мертвый уже кинескоп и побрел куда-то за деревья, в светлый июньский вечер. Колобов и Вольф молча смотрели ему вслед в разлинованную зелеными полосами спину.

— Дед никогда прежде не курил,— наконец промолвил Колобов.— И не врал. А теперь врет напрапалую. Отчего бы?

— А где он взял программу для смены изображений? — кивнул Вольф.— Ее же сочинить и отладить надо, тут за утро не управиться.

— Конечно,— согласился Колобов. Он с тоской посмотрел в потемневшее небо.— Кажется, дождь собирается, как говаривал поросенок Пятачок... Жаль, что все так обернулось. Спокойной ночи, Олег Олегович.

— До завтра,— ответил Вольф. Помявшись, добавил: — Заходите как-нибудь... в гости.

— Да? — Колобов улыбнулся. — И о чем же мы с вами станем беседовать?

— Не знаю, — честно сказал Вольф.

— И я тоже, — проговорил Колобов.

В квартире было сумрачно и пусто. Воняло какой-то кислой дрянью. «Хлев, — подумал Колобов с ненавистью. — Авгиевы конюшни. Как в пьесе у Дюренматта: действие разворачивается на сцене, заваленной дерьмом. Минуло полвоскресенья, потом еще столько же, и ничего не изменилось». Приюхиваясь, он прошелся по квартире. Разило из мусорного ведра. Уезжая, Цили настрого наказала освобождать его вовремя. Разумеется, Колобов немедленно забыл об этом.

Он распахнул на кухне окно. Воздух посвежел и наполнился оголодавшим комарьем. «Стервы, спать не дадут. Как все нескладно... Позвонить Бабьеву? Может, дома... Мусорная планета Шушуга», — тут же вспомнил Колобов и едва не плюнул на пол от злости.

В окне болталось и плыло куда-то небо. Пустое, никем не обжитое. Начхать ему было на мелкого муравья Колобова, ни с того ни с сего возжелавшего с ним породниться.

«Плохо мне, — думал Колобов. — На душе пакостно. Была бы на самом деле эта чертова Роллит — наверное, ледником бы накрылась в три слоя. Где же вы, друзья-спасатели? Идеант, Найви, Аморайя? Куда вы все попрятались, что не спешите, едят вас мухи?»

И тут в комнате настойчиво и часто зазвонил телефон.

— Кто? — бестолково закричал Колобов. — Кого нужно?

— Три три четыре четыре три три? — спросила насморочным голосом телефонистка. — Ответьте Алуште.

— Какой Алуште? — растерялся Колобов. — Кто это?

— Это такой курорт, — разъяснила телефонистка и шмыгнула носом. — Южный берег Крыма. Неподалеку от Симферополя. Мечта...

— Циля! — завопил Колобов.— Цилька, ты?!

— Алло,— зазвучал в трубке далекий родной голос.— Вадик, наконец-то я застала тебя дома. Я звоню уже третий день, вся трясусь, совершенно не нахожу себе места. Решила, что если не услышу тебя сегодня, то завтра беру обратный билет. Это какой-то кошмар!

— Циленька, как ты там?

— Все чудесно, и это ерунда. Чем ты питаешься? Ты вовремя ложишься спать? Ты же постоянно не высыпаешься! Как твой обмен веществ? Надеюсь, ты не куришь в постели? А ведро освободил? Мама не звонила? Я имею в виду обеих мам. Как у вас там погода? Ты вытираешь пыль с моего пианино? Я буду тебе звонить каждые два дня, а письмо уже отправила. Ты можешь не отвечать, тут жуткая почта. Ты не простудился? Кстати, почему ты не в постели?

— Цилька, у нас еще вечер, ты все перепутала!

— Конечно, ты же знаешь, я слабо ориентируюсь в вашем жутком пространстве и в вашем ужасном времени. Как у тебя настроение? Ты там не скис без меня? Как твоя кошмарная тема? Господи, тебе же завтра на работу, а я лезу со своей болтовней!

— Цилька, ты только не молчи, говори что-нибудь...

Галактический объект Колобов сидел на полу, плотно прижав телефонную трубку обеими руками к уху. Перед его зажмуренными глазами водили хоровод большие теплые звезды.

— А-а,— сумрачно протянул измятый Медведков.— Вот и хозяин пришел.

Он стоял, привалившись к двери вольфовской квартиры, и грыз потухшую беломорину.

— Вас уже освободили? — с иронией осведомился Вольф.

— Кому я там нужен... Отрезвили и выпнули домой, до особого распоряжения. Выходного как не бывало. Анка у тебя?

— С чего вы взяли?

— Сердце вещует... Да добрые люди рассказывают.

— У меня,— жестко произнес Вольф.— Разрешите пройти.

— Она мне жена,— напомнил Медведков и набычился.

— Неважно,— Вольф отодвинул его и надавил пипку звонка.

— Будет тебе «неважно»,— пообещал Медведков.— Сейчас она откроет, и я сперва тебя грохну, потом ее, а меня суд оправдает ввиду моего сильного душевного волнения.

— Не хорохорьтесь попусту. Какой из вас убийца, когда вы прирожденный мелкий хулиган?

— Ух ты! — опешил Медведков, увидев расчерченную зеленой краской спину Вольфа.— Это зачем?

— Неважно,— отмахнулся тот.

Щелкнул замок, дверь открылась. На площадку, щурясь от света, вышла Ганна Григорьевна в домашнем халате и шлепанцах с помпонами.

— Долгонько вас не было,— сказала она попятившемуся Вольфу.— Я уж и вздремнула в кресле, вас дожидаячи. Принимайте жилье, все лежит нетронутое.

Медведков нырнул в темноту мимо нее и тут же пулей выскочил обратно.

— Где Анка, язви вас? — ошалело спросил он.— Куда спряталась, так вас и эдак?

— А бог ее знает,— охотно ответила незлобивая Ганна Григорьевна.— Попросила меня присмотреть, а сама хвост трубой и умелась куда-то. Так я пойду?

— Да, спасибо вам,— опомнился Вольф.— Спокойной ночи.

Ганна Григорьевна величественно кивнула и прошествовала в свою квартиру.

— Сбежала,— плачущим голосом сказал Медведков.— Бросила меня! Но и тебе тоже во! — Он скрутил Вольфу под нос нечистый, но выразительный кукиш.

— Уймитесь,— сказал тот, брезгливо отстраняясь.— Может быть, она ушла домой... к вам.

— Стал бы я здесь торчать понапрасну!

— А к подругам? Ах да, у нее здесь нет подруг.

— Нет...— повторил Медведков.— Никогошеньки-то у нее здесь нет, кроме меня.

— Тоже мне пристанище,— грустно съязвил Вольф.

— Молчи, интеллигент,— обиделся Медведков.— Ты не понимаешь ни хрена. Я же люблю ее, лярву. Я же, можно сказать, выкрал ее. Из свадебной «Волги» вынул, вот у такого, как ты, увел.

— Ну и кому от этого стало лучше?

— Верно, никому,— Медведков сник.— Что же мне теперь делать, куда податься? Ты ученый, дай совет!

— Для начала надо найти Анжелику Юрьевну,— сказал Вольф.— Не может же она оставаться на улице в такой поздний час одна. А потом... человек она свободный, брачные узы в вашем случае — всего лишь дань условности. Пусть решает сама, как всем нам быть дальше,— он задумчиво погладил рассеченную бровь.— У нее существует возможность куда-то уехать от вас?

— Уехать? — не понял Медведков. И вдруг хлопнул себя по лбу.— Вокзал! Ну точно, вокзал. К отцу она поедет, в Котовск. Или к сестре в Гомель. И как я сразу не допер? Слушай, интеллигент, возьми денег, а я пока на улице тачку захомотаю.

— У меня есть,— промолвил Вольф.

Когда за ними стукнула дверь парадного, из квартиры Ганны Григорьевны вышла Анжелика. И остановилась, держась за перила.

— Твой-то с этим,— сказала Ганна Григорьевна.— На вокзал поехали. Как бы в дороге не разодрались.

— Да нет,— проговорила Анжелика.— Коля спокойный, когда трезвый.

— Ты куда сейчас?

— Не знаю.

— Ой, гляди, девка. Муж какой-никакой, а все ж таки муж. Мало ты его воспитывала, вот что я скажу.

— Разве я нянька ему?

— Тоже правильно. Но ты ж его знаешь, выучила за столько лет. А начинать все сызнава тяжело, даром что молодая. Этот-то... разве он мужик? Встретишься — и не поздоровается. Так, полено с глазами.

— Может быть, никто еще не выстрогал из него Буратино?

Ганна Григорьевна хмыкнула.

— Дело твое,— сказала она.— Нынче воскресенье, чего ж не подурить? А завтра новая неделя, будто старой и не бывало. Решай, стало быть, сама, куда тебе дальше.

— Сейчас решу,— сказала Анжелика.

На далекой планете Роллит, издревле известной во всей цивилизованной вселенной как «Жемчужина Мироздания», все возрождалось к новой жизни. Будет ли она прежней? Кто знает... Роллитяне возвращались в разрушенные города, по дороге расставаясь с пережитыми страхами. С любопытством разглядывали они бронированные башни спасательных звездолетов. И каждый втайне надеялся застать свой дом уцелевшим.

С небес падал слепой дождь, смывая с листьев и травинки серый, ненужный пепел прошлого.

БАЛУМБА-МАКОМБЕ

Балумба-Макомбе великий вождь. Счастлив народ, который удостоился иметь такого сильного и умного вождя. И хотя пальцев на обеих руках и обеих ногах двух его сородичей достаточно, чтобы счесть весь народ, которым правит великий вождь, нигде в мире не сыскать сразу столько красивых женщин, мудрых стариков и могучих воинов.

Балумба-Макомбе великий колдун. Он умеет разговаривать с духами умерших предков почти на равных. Он умеет приносить такие жертвы богам своего народа, что они никогда не оставляют его милостью. А богов очень много — больше, чем пальцев на руках и ногах у всех мудрецов народа Балумба-Макомбе. Боги стоят в своем капище и ждут жертвы. Больше всего они любят зажаренную на костре свинью.

Балумба-Макомбе великий хитрец. Он помнит о жертвах для богов, но и видит, что часто после жертвоприношений его воины остаются голодными. Боги сильны, каждый день они перебрасываются Огненной Тыквой через весь небосвод, чтобы народу Балумба-Макомбе было светло. Но у голодных воинов, что живут в соседней хижине, тяжелые дубины. Поэтому Балумба-Макомбе придумал, как перехитрить богов. Он решил сменить много-много богов на одного, самого сильного, самого доброго, самого мудрого. Как Балумба-Макомбе, только еще больше.

Это очень важное дело. Из-за него великий вождь не спит по ночам, не спит и днем. Едва только покажется над болотным туманом краешек Огненной Тыквы, как Балумба-Макомбе уходит

из своей хижины. Он идет через все селение, через болото, по ему одному известной тропинке. Он идет очень долго, пока не придет в хижину Белого Бога.

Белый Бог совсем как человек. Но Огненная Тыква выбелила его кожу, и поэтому, чтобы прикрыть свой стыд, он носит много одежды. Даже волосы у Белого Бога стали страшного огненного цвета. Но это добрый бог, и Балумба-Макомбе говорит с ним на равных.

Белый Бог рассказывает великому вождю о своем селении. Там стоят хижины, на которых держится небосвод, они построены из камня и твердого воздуха. Между ними бегают ручные свиньи, шкура у них тверже камня, и Белые Боги имеют над ними такую власть, что залезают к ним в животы и сидят там, покуда им не надоест эта забава. Там живет много Белых Богов, и у каждого только одна женщина. Когда у Бога много женщин, это нехорошо. Балумба-Макомбе тоже хотел прогнать от себя лишних женщин, но поразмыслил и решил, что он пока еще не бог.

— Чудак ты, Балумба,— говорит Белый Бог.— Разве можно в наше время сидеть на болоте и делать вид, что это и есть весь мир? Ты же еще нестарый, и голова у тебя варит. Мир огромен, чтобы увидеть его — жизни не хватит. Твоим людям учиться надо. Вы живете в хижинах из веток и грязи, а пора бы уже переселиться в космические корабли.

Балумба-Макомбе молчит, не спорит. Он дергает плечом в знак согласия с Богом, рассматривает красивые картинки на тонких блестящих шкурах. А сам думает.

— Ничего,— продолжает Белый Бог.— Доберется и до вас цивилизация. Когда мы найдем здесь нефть или уголь, сюда придут твои соотечественники из городов и построят дома из камня. Будешь ты жить вместе со своими людьми в чистых комнатах, дети твои пойдут в школу. От прогресса, братец, не спрячешься...

Белый Бог велик и могуч. У него есть ручная свинья, которая носит его на себе по болоту быстрее самого быстрого бегуна. Раз в несколько дней к нему прилетает огромная стрекоза,

на которой другие Белые Боги привозят еду и питье. Это потому, что Белому Богу не понравилась еда, которую однажды принес ему великий вождь. Значит, он не потребует много жертв.

Балумба-Макомбе возвращается в свою хижину и думает. Ему нравится Белый Бог. Но в таком выборе нельзя ошибаться.

Едва только скроется в болотном тумане последний отблеск Огненной Тыквы, как Балумба-Макомбе уходит из хижины. Он идет через все селение, через болото, по ему одному известной тропинке — в другую сторону. Он идет очень долго, пока не придет в хижину Черного Бога.

Черный Бог не совсем как человек. Но у него черная кожа, как и у Балумба-Макомбе. Она висит на нем, словно тело Бога слишком мало для нее. У Черного Бога вовсе нет волос, его череп голый и блестит при свете Тыквенной Лепешки, которую каждую ночь бросают на небо старые боги. У Черного Бога нет ни глаз, ни рта, но он видит и разговаривает. Зато у него много рук — больше, чем у Балумба-Макомбе со всеми его женщинами.

— Трагическая ошибка заключена в том, — говорит Черный Бог, — что мы затратили столько сил и энергии на полет сюда, привлеченные мощной ноосферой. И что же нашли? Горстку несчастных, убогих существ, прозябающих среди болот, верящих в духов, поклоняющихся деревянным идолам и тому подобной ерунде. Ваш мир оказался мертвым, опустошенным — отчего, не знаю.

Черный Бог рассказывает великому вождю о летающих в пустоте хижинах, о множестве Огненных Тыкв, что висят на невидимых веревках. Эти веревки протянуты от одной Огненной Тыквы к другой, как паутина, и Черные Боги путешествуют, зацепившись за них своими хижинами, в которых они прячутся от света и жара. Черные Боги больше всего любят темноту и холод, их кожа пропитана вечной ночью. Им не нужен воздух, не нужна вода. Им даже не нужны женщины. Рожать детей у них считается занятием воина. Это удивило Балумба-Макомбе больше всего.

— Может быть, страшное излучение вашего светила сожгло

все разумное? — спрашивает Черный Бог. — В самом деле, ничто не способно уцелеть под ливнем жестких частиц, которые обрушиваются на ваш мир при восходе солнца! Только глупые, толстокожие животные, барахтающиеся в грязи.

Балумба-Макомбе молчит, дергает плечом, разглядывая всякие чуть мерцающие шутовки в темной хижине.

— Ничего, — продолжает Черный Бог. — Я верю, разум возродится. Пусть из невежества, из убожества, из болот — он снова завоюет ваш несчастный, выжженный мир. Ты будешь его вестником, Макомбе, ты и твоё племя. Нельзя вечно скрываться в хижинах из веток и глины, от прогресса не спрячешься...

Черный Бог велик и могуч. Его хижина может летать по воздуху лучше птицы. Правда, он не любит Огненную Тыкву, но зато у него нет рта, чтобы поедать жертвенную свинью. Это нежадный бог.

Балумба-Макомбе возвращается в свою хижину и думает. Ему нравятся оба бога. Они незлые. Но кого из них выбрать? Балумба-Макомбе думает день и ночь, и еще раз день и ночь. Он почти не ест и не пьет, его женщины скучают. Его старые боги стоят в капище забытые и голодные.

Белый Бог спит по ночам, а Черный Бог не любит дневной свет. Но Балумба-Макомбе великий мудрец. Он велит своим женщинам зарезать три свиньи, приготовить их с душистыми травами и принести к нему в хижину.

— Приходи, — говорит он ночью Черному Богу.

— Приходи, — говорит он днем Белому Богу.

В тот час, когда Огненная Тыква уже скрылась в тумане, но еще не взлетела Тыквенная Лепешка, в тот час, когда ушел день, но еще не пала ночь, в хижину великого вождя приходит Белый Бог, одетый в легкие белые шкуры, охраняющие его от ночной прохлады и укусов злых насекомых. Он садится на место гостя и видит, что приготовлено три блюда.

— Ты кого-то ждешь, Балумба? — спрашивает он удивленно.

Балумба-Макомбе молчит, потому что полог хижины подни-

мается и грузно входит Черный Бог, шевеля множеством своих рук.

— Кто это у тебя, Макомбе? — спрашивает он удивленно.

Боги смотрят друг на друга и не верят тому, что видят. «Я правильно поступил, — думает Балумба-Макомбе. — Боги сами разберутся, кто из них самый сильный, самый добрый, самый мудрый. Пусть и решат, кому быть новым богом народа Балумба-Макомбе».

Он тихонько встает, берет деревянное блюдо с остро пахнувшей зажаренной на костре свиньей и уходит в капище — покорить напоследок голодных старых богов.

СОВЕРШЕННО, ТО ЕСТЬ АБСОЛЮТНО НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ

У нас из зоопарка сбежал трицерáтопс.

А заметил это Директор, который раньше всех приходит на работу. Сперва он обнаружил, что главный вход раскрыт настежь. Ну, все нормальные звери об этом не знали, потому что спали еще. Тогда Директор разбудил Сторожа, который тоже спал, как все нормальные сторожа, и даже пуще. Сторож проснулся и пошел стучать берданкой по клеткам, покрикивая:

— На побудку становись!

Все звери, понятное дело, проснулись и принялись реветь. Лишь трицератопс не проснулся, не стал орать диким голосом, потому что его в клетке и вовсе не было. А была одна табличка с надписью «Трицератопс обыкновенный», и еще то же самое на латыни, но вместо «обыкновенный» почему-то «вульгарис». Сторож побухал прикладом по прутьям:

— Вылезай, сатанюка, покажись, по-доброму тебя прошу.

Но трицератопс ниоткуда не вылез, потому что ему нигде было спрятаться, кроме корытца с водой.

Позвонили в милицию.

— У нас трицератопс убежал.

— Концентраты? — не расслышал дежурный. — Понятно, высылаем оперативную группу.

На всякий случай позвонили в другое отделение:

— Убежал трицератопс.

— Внешность, особые приметы?

— С рогами такой, знаете, с хвостом...

В милиции распределили обязанности: лейтенант Жучков

отправился искать того, что с рогами, лейтенант Кошков — того, что с хвостом, а лейтенант Мышков — того, что и с рогами и с хвостом одновременно. Иными словами, был на подхвате.

После позвонили видному зоологическому Профессору. Для консультации.

Часа через два Директор, Профессор, Сторож и те, кому было интересно, чем все кончится, собрались у клетки трицератопса. А на них все время натыкались какие-то серьезные люди в серых плащах и делали вид, что случайно.

Профессор сразу расшумелся.

— Нет,— кричит,— сейчас никаких трицератопсов! Вымерли! Вон миллионы лет назад еще были, а с тех пор нет! И ни за что не поверю, чтобы в нашем городском зоопарке, где даже попугая приличного не завели, вдруг трицератопс обретался! Ладно бы еще за границей, там чего только не бывает, но чтобы у нас!.. И слышать подобный нонсенс не желаю, и дайте мне воды, таблетку запить!

— Воды у нас тоже нет,— говорит Директор.— Опрессовка.

И Сторож колебаться начал.

— Может,— говорит,— и впрямь никакой прицарапанец тут не живет. Ну сами посудите, как он мог из клетки убежать, ежели она на все замки заперта, а прутья целы? Я же сам собственной берданкой по ним стучал!

Посмотрели — и вправду прутья на месте, замок в сохранности.

— Вот хорошо,— обрадовался Директор.— А то у меня ни одного замка не осталось.

— И раз его опосля этого в клетке нет,— горячится Сторож,— стало быть, и вовсе его нет. И не было.

— Тут я согласен,— говорит Профессор благодушно: ему дали минералки из буфета.

Часа через три в зоопарк является лейтенант Жучков и ведет на веревке то, что с рогами:

— Получайте пропажу. Поймали на пришкольном участке. Рассадку ел.

А Директор ему:

— Ну какой же это трицератопс? Где хвост? Это у вас коза какая-то!

И Профессор, протирая очки, вторит:

— Да, гм... Авторитетно вам заявляю, молодые люди, что сие млекопитающее не что иное, как горный баран муфлон, кои в наших местах ввиду отсутствия гор не водятся. К примеру, как попугай ввиду отсутствия тропиков.

А тут и Сторож со своей берданкой:

— Точно,— говорит,— фуфлон. Он из нашего зоопарка еще в позапрошлом году утек.

— Ну,— говорит Директор с облегчением,— этого я знать не мог. Это еще до меня было. Я еще тут не работал.

Часа через четыре вваливается на территорию зоопарка лейтенант Кошков, таща при содействии аж семи сотрудников то, что с хвостом:

— Вот вам! В городском бассейне разыскали.

Директор пятнами пошел, судорогами взялся:

— Это же не трицератопс! Где здесь рога, когда один сплошной хвост?!

И Профессор за сердце хватается да вторую таблетку ест:

— Совершенно с вами солидарен. Сие пресмыкающееся не что иное, как амазонский водяной удав анаконда, кои водятся там же, где и попугай, сиречь в... Ай! Оно шевелится!

Сторож, выставив для верности берданку, присовокупляет:

— Верно, конда — она конда и есть. О прошлый год от нас же и сбегла. Ишь где, бестия, окопалась!

— Это уже при мне,— краснеет Директор.— Но я змей с детства не люблю.

Тут к нему подкатываются из первого отделения милиции:

— Распишитесь в акте. Обнаружено хищение концентратов на пятьсот сорок семь рублей 13 копеек.

— Все одно к одному,— говорит Директор.— Видно, за тех, кто в этом году сбежит, уже не я отвечать буду.

А часов через пять возвращается лейтенант Мышков:

— Нате вашего беглеца.

Директор, хотя ему уже совсем грустно было, посмотрел:

— Рога есть, Хвост на месте. Похож.

Профессор хватить еще одну таблетку и как закричит:

— Нет! Не может этого быть! Да где это видано? Попугая приличного!.. Вода на опрессовке!.. Нет, нет и сто раз нет, и вам не верю, и глазам своим не верю, и никому не верю!

Сел в машину, хлопнул дверцей и укатил.

Директор говорит:

— Ну в самом же деле, откуда он у нас взялся? Что там в накладной написано?

Ему отвечают:

— Нету накладных. Потеряны. Так что неизвестно. Может, его юннаты принесли?

— Скажете тоже, юннаты... — отмахнулся Директор. — Это ж не крыса какая. Одних рогов с полтонны... Жалко, что не узнаем, где они водятся. В газету бы написали, сенсация-то какая... Глядишь, нам бы на ремонт денег-то подкинули.

Сторож тем временем запер трицератопса в клетку пуще прежнего и настрого приказал:

— Ежели в другой раз сбежать будешь, то сперва прутья развори, дверь снеси, на территории напакости. А то и не разберешь после, был ты или не был...

Ну, трицератопс неглупый зверь оказался. Не прошло и недели, как опять удрал. По всем правилам, как полагается. Путья раскурочил, любо-дорого посмотреть, клетку развалил, да не только у себя, но и у соседа-тигра. В фонтане, как просили, напакостил. Главный вход, понятное дело, настезь.

Пока новый замок нашли да приладили, **ВСЬ ГОРОД ДВА ДНЯ В ЗООПАРК ХОДИЛ БЕСПЛАТНО.**

ДОЧЬ МОРСКОГО БОГА

Я стою по колено в скукожившейся, прибитой первыми заморозками траве. Никогда прежде не имел обыкновения проводить осенние ночи на открытом воздухе. А теперь все иначе. И однако же траве достается больше, чем мне, и она жухнет прямо на глазах, мертво шуршит о мои ноги под резкими порывами ветра. А если пройдет дождь, она стелется по равнодушной земле, липнет к брючинам. В последнее время дожди идут почти не переставая. Осень...

Желтая трава дождем прибита,
Но ей до того нет дела.
Она спит и видит сон
О том, как очень давно
Была ростком зеленым.

Насчет травы я придумал. Я ее не вижу. Я попросту не могу видеть, что там творится подле моих ног. Могу лишь предполагать, что происходит с травой по ночам, в дождь и после дождя. Так сказать, руководствуясь всем прежним жизненным опытом. И если ко мне вдруг подбежит заблудный кудлатый пес без роду и племени, запыхтит, зафукает где-то внизу — то, как это ни обидно, я отчетливо представляю, что именно сулит мне это его заинтересованное фуканье. Хотя и не вижу, чем он там занимается у моих ног. Я вижу только стволы четырех деревьев, асфальтовую тропку, ведущую куда-то мимо меня, и краешек деревянной беседки. Все это — будто один и тот же кадрик в видеоискателе

кинокамеры. И кадрик этот живет своей жизнью. Стволы неторопливо, обстоятельно готовятся к зимовке — избавляются от листьев, которые скользят в струях воздуха откуда-то сверху, из-за рамки. Беседка с каждым часом темнеет, набухает сыростью, и в ней уже никто не сидит, даже девчонки-старшеклассницы не забегают покурить тайком от взрослого взгляда. Самое интересное, конечно же, дорожка. Она соединяет этот мой кадрик с большой жизнью, что продолжается вне меня и помимо меня, как это и ни грустно. Изредка по ней проходит влюбленная парочка, полагая, что, кроме них, в этом парке — да и во всем мире — нет ни единой души. Иногда важно прошагивает обильная телом мамаша, катя перед собой коляску с глазающим по сторонам младенцем. Ребяенок видит меня и, если уже наделен даром членораздельной речи, немедля возвещает о своем открытии: «Дядя!» Мама непонимающе косится в мою сторону: «Где ты видишь дядю, солнышко? Это не дядя, это большая ляля...» Ну и, разумеется, третий эпизод картины под названием «жизнь»: иссушенная годами старческая фигура... Заключительной киноглавки я еще ни разу не видел. Кому придет в голову направлять похоронную процессию через дальнюю аллею запущенного парка?..

Интересно знать: я тоже умру?

Я ушел с прежней работы, с треском захлопнув дверь и даже не оглянувшись. Просто не мог больше там находиться: метаболизм не позволял. С чего началось — и не упомяну. Самое смешное, что моему начальству не к чему было придраться. Оно, начальство, только недавно село на освободившееся в одночасье кресло и в силу объективного закона новой метлы — помело... Я продолжал работать, как лошадь, совершал чудеса производственного героизма и предприимчивости — ничего не помогало. Мне не могли простить резких высказываний на бесконечных собраниях и в кулуарах. Странная вещь: чем глупее начальство, тем длиннее и чаще оперативки... И я понял, что пора уходить. Пока не уволили, пока в трудовой книжке не выцвели еще записи о поощрениях. Мои девчонки едва не рыдали — или это мне померещилось? Замдиректора, каменно глядя в столешницу, су-

лил золотые горы и реки, полные вина, персональные надбавки и прочую фантастику. Но я ушел.

И спустя предусмотренные КЗоТом три недели осел в маленькой малоизвестной конторке, где не было никаких надбавок, никаких гор из драгоценных, а равно и полудрагоценных металлов, но и никаких утеснений. Меня там оценили: я умел и хотел работать. К тому же сыграла свою благотворную роль моя неиспорченная репутация.

Даю свой портрет. Высокая, поджарая, не утратившая спортивности фигура. Как правило, в джинсах, черном свитере и кроссовках. Я консервативен и потому не следую веяниям моды. Всяческие «бананы» мне чужды. И потом — я питаю слабость к джинсам. Не доносил их в юности, не было средств на их покупку. А когда появились означенные средства, джинсы вышли из моды. Но я все равно их ношу. Далее: короткая стрижка, аккуратный профиль и приятный анфас. Спокойный, доброжелательный взгляд. Никакой растительности на лице, всегда гладко выбрит, и в уголках старательно очерченных природой-природительницей губ слегка припрятана улыбка. Добрая ли она, ироничная ли, зависит от обстоятельств и собеседника. Прежнее начальство ее не выносило, как и меня самого: «Что вы там ухмыляетесь, Т.? Вы на оперативке или кто?!» Новое относится к ней нормально: «Веселый ты мужик, Т. Жизнь тебя, что ли, балует?» Нет, не балует. Но и не обижает зря. Коллеги — если у них порядок с головой — меня ценят. Женщины, как водится, любят. Я их тоже.

Комнат в нашей конторе шесть. И без малого три десятка живых душ в штате. Все на виду. Народ, как и я, большей частью пришлый, солидный. А у меня была привычка, с которой я никак не хотел расстаться. Бейте меня, режьте, но нужен мне был в родном коллективе человек — такой, чтобы я ему симпатизировал чуть больше, нежели полагается для дружбы в ее классическом понимании. Нужна мне была под боком женщина приятной наружности. Чтобы глаз мой на ней отдыхал, чтобы мог я как бы между прочим отпускать ей непошлые комплименты, иногда походя приобнять за плечики. Чтобы, елки зеленые, фор-

мы не терять! Как там она ко мне относится — дело десятое... И не подумал я, нанимаясь в эту контору, что надо бы сначала исследовать половозрастную структуру коллектива. А когда подумал, было уже поздно. Три совсем, то есть запредельно, зеленые девочки из профтехучилища, на одну из которых кощунством было бы смотреть как на объект притязаний, на другую смотреть под таким же углом просто не хотелось, а к третьей приходил панковатый мальчик... головы так на полторы выше меня. Две трехдетные матери, любимым занятием которых было висеть на телефоне и выпрашивать, как поспала младшенькая, да как покушал средненький, да что схватил по поведению старшенький, либо в самый пик работы уходить на больничный. Две сложившиеся старые девы, одна из которых, впрочем, не оставляла надежд и носила все чуть короче и теснее, чем подобало ей по возрасту и комплекции. Я стойко выдержал ее первую атаку, с благодарностью отверг приглашение в гости и обрел в ее глазах репутацию твердого орешка, о который есть смысл поточить зубки лишь после опробования всех альтернатив. В общем, было мне грустно, и я искал утешение в работе. И находил. Для поддержания же формы регулярно названивал девочкам с прежней работы, потому что оставался там у меня крохотный якорек по имени Людочка... Но якорьку не нравилась отведенная для него роль, и где-то там, в тумане, вырисовывались контуры некоего океанского судна, не то ледокола, не то фрегата, с которым этот якорек хотел бы соединить себя цепями. Мне это не нравилось, но ничего противопоставить сей контратаке, кроме телефонных комплиментов, я был не в состоянии.

Жизнь, как я уже говорил, меня не баловала. В один прекрасный день, по телефону же, Людочка пригласила меня на свою свадьбу. Я нахмурился, но телефон моей хмури не передал, а голос мой был по-прежнему ровен и приветлив. Я отказался, сославшись на исключительную занятость. Я и в самом деле сегодня не мог. В трубке загудело: неизвестный мне белокрылый лайнер давал отвальные гудки, выбирая мой якорь.

Я положил трубку и пошел прочь из комнаты — в коридор, на волю, перевести дыхание, собраться с мыслями и что-то при-

думать насчет этих бесконечных вечеров в пустой комнате, в одиночке со всеми удобствами, что маячили передо мной в самом что ни на есть обозримом будущем. «Едрена вошь,— думал я, бредя по длинному и пустому, как оружейный ствол, коридору,— я же скоро жиреть начну от бездействия...» Ничто так не держит мужика в форме, как женский взгляд. Ничто так не вышибает его в кювет, как пинок изящной туфельки.

Но, как я уже заметил, жизнь и не собиралась обижать меня.

Она стояла в закуточке на лестничной площадке, где мы устраивали неспешные перекуры, обменивались соображениями по поводу внешней политики и анекдотами. Смотрела в окно и курила. Солнце, бившее в стекло, простреливало ее тонкое синее платье насквозь своими безжалостными и бесстыдными лучами, но ей нечего было страшиться, и я сперва рассмотрел и оценил ее фигурку, а уж потом перевел взгляд на прическу — беспорядочное переплстение жестких черных с фиолетовым отливом прядей. На вид ей было за двадцать... скажем, пять, но наверняка до тридцати. Возраст меня удовлетворял.

Я тактично кашлянул и сказал:

— Курить — здоровью вредить,— и достал из кармана пачку болгарских.

Она неторопливо обернулась. Я не прогадал: у нее оказалось красивое бледное лицо, крупный улыбчивый рот и прямой, без нелюбимых мною веснушек, нос. Глаза прятались за непроницаемыми темными очками.

— Хорошо, бросаем вместе,— сказала она спокойно и затаилась.

— Что-то я вас на этом благословенном пяточке прежде не замечал.

— Я только что из отпуска.

— Придется вывесить график перекуров,— я набирал разгон.— У нас тут разговоры большей частью на возвышенные темы, не для женских ушей.

— Я это учитываю.

— Жаль, что мы не сможем впредь покурить вместе. Либо мне откалываться от мужского коллектива, а коллектив — это сила. Либо курить вдвое чаще, пренебрегая личным благополучием и производительностью труда.

— Пустяки. Моя доза — две сигареты за весь рабочий день.

— Ну, это не смертельно. Когда у вас по расписанию следующий сеанс забивания лошадей?

— Завтра в девять утра. А что вы торопитесь, я же только приступила.

Я не торопился. Мы прикончили по лошади и принялись за следующих. Наш разговор вертелся вокруг вреда курения, никак не выходя за этот порочный круг, хотя экскурсии в смежные области порой получались весьма пространными. Во время одного такого экскурса я выведал, что неожиданную палочку-выручалочку зовут Ева, и представился сам. Изощренным способом, с чисто мужским коварством, я вынудил ее сознаться, что она не замужем и не собирается. Почему? Значит, есть на то причины. Меня это устраивало, я и сам не торопился в жертвы Купидона. Или Гименей. Или обоих сразу. Отпуск Ева проводила в Крыму, где все окрестные отдыхающие мужеска пола выстраивались в очередь, чтобы поделиться с ней соображениями на тему «Яд ли никотин». Отчасти поэтому ей не удалось серьезно загореть, но загар и вообще к ней не льнет... Ева работала в отделе вторичной информации, то есть через комнату от меня. Все складывалось донельзя удачно.

Она охотно шла на переговоры со мной, не избегая рискованных пассажей, не стремилась обойти те слабо закамуфлированные силки, что я расставлял ей, проверяя свою форму на сохранность. Делала это спокойно: чувствовалось, что она прекрасно понимала мои маленькие хитрости, но это ее не пугало и даже не беспокоило, и вообще все эти обязательные ритуалы, где мужчина должен разыгрывать роль охотника, а женщина — жертвы, ей давно известны, порядком надоели, и хорошо бы покончить с ними поскорее, но традиции надо уважать... Мне все это весьма понравилось, я вообще не люблю тех, кто относится к процедуре наведения контактов как к самоцели, забывая о том,

на что, собственно, она направлена, воспринимая ее всерьез и не прощая другим иного к ней отношения со стороны охотника, то бишь меня. Мне с такими скучно. Я от таких бегу сломя голову. Здесь был тот случай, когда бежать никуда не хотелось.

Ева внимательно изучила кропотливо, с любовью подготовленную мной мышеловку, нашла ее вполне приемлемой и с достоинством вошла в нее, не забыв прикрыть за собой дверцу. Иными словами, мы договорились встретиться после работы.

— Только не на крыльце,— сказала она, улыбнувшись уголком рта.

— А что так?

— Гуси не любят, когда их дразнят. Вам тут работать и работать. И мне, между прочим, тоже.

И я выяснил, что Ева не пользуется благорасположением коллег. Причины были естественны: женщины видели в ней сильного конкурента, а мужчины уже испытали себя в моей роли, но успеха не снискали. Последнее я воспринял как намек, как предупреждение и как вызов. Я поднял перчатку, и мы решили сойтись на автобусной остановке.

...Я присел на корягу, выступавшую над прозрачными водами ручья, потянулся и сломил тростниковый стебель. Мои ступни омывались ледяными струями, и быстрые алмазнобокие рыбы тыкались в них своими хитрыми мордами. Я рассматривал стебель, поворачивая его так и эдак, ощупывая чуткими к малейшей шероховатости пальцами. Потом достал из мешка нож и отрезал от стебля лишнее. Мне казалось, что я уже знал, какой звук могу извлечь из будущей флейты. Этот звук будет прям, чист и быстр, как ручей, над которым вырос тростник для флейты. Перед этим звуком невозможно будет устоять. И чтобы дать ему жизнь и свободу, ничего не жаль. И даже не обидно, что нож, которым я обрабатывал края и прорезал отверстия, был ворованный.

Флейта получилась длиной в мой локоть, в два колена стебля. На ней можно было нарезать много клапанов, но я не стал увлекаться. Чрезмерным усердием можно все испортить.

Наяда уже давно следила за мной, за моими движениями, за флейтой, что покуда молчала и беззвучно билась в моих руках. Она сидела на корточках в зарослях тростника, не дыша и зачарованно приоткрыв рот. Наверняка думала, что я даже не подозреваю об ее присутствии. И не знала, что находится в полной моей власти с того момента, как увидела меня и мои руки.

Я стряхнул с флейты тростниковую крошку и подул в отверстие, чтобы прочистить ствол. Флейта внезапно отозвалась высоким тревожным звуком, застав меня врасплох. Я едва не выронил ее в ручей. Миг превращения куска стебля во флейту всегда манил и околдовывал меня. Я и сам готов был забыть себя, как маленькая глупышка наяда, которая уже стояла по колено в воде и растерянно теребила свое тончайшее покрывало, а черные с зеленым волосы ее стекали по белым, в капельках брызг плечам, грудям и бедрам прямо в ручей.

Флейта была закончена. Я не выпускал ее из рук, словно боялся утратить бесценное сокровище, хотя и помнил, что всегда могу сделать точно такую же — и, может быть, даже лучше — из любого стебля. Таких, не воплощенных покуда флейт росло по речным берегам неисчислимое множество. Я спрятал нож в мешок, подобрал ноги под себя, уселся поудобнее и поднес флейту к губам.

Наяда всхлипнула и, словно спящая, побрела ко мне прямо по воде, забыв обо всем на свете, ничего не видя, кроме меня, ничего не слыша, кроме колдовского голоса флейты. Покрывало соскользнуло с ее плеч, поток подхватил его и зашвырнул в прибрежные заросли, наяда этого и не почувствовала, но я краем глаза приметил место, куда его прибило. В покрывалах наяд есть какие-то чары, если дурочка не разыщет его потом, когда я отпущу ее, то может умереть, а я не хочу ее смерти.

Это была наша с наядой флейта. Ее тростник, ее ручей —

моя работа и мое искусство. Сейчас я любил эту флейту больше жизни, как любил маленькую наяду, хотя и открыто было мне давно, что все в этом мире проходит, пройдет и эта любовь...

Ева жила в окраинном микрорайоне с игривым названием Прозрачный, а я в центре. В общем-то, нам было почти по пути. Но мы сели на самый редкостный из расписанных на желтой таблице автобусов, с интервалом движения от двадцати минут до бесконечности, и поехали совершенно в противоположную сторону. Наши диалоги с самого начала сильно смахивали на дуэль, и следовало признать, что в данном случае укол остался за ней. Она меня попросту подловила. Я в шутку предложил сесть в подкатившийся автобус не глядя, она усмехнулась и зашла в полупустой салон. Мне ничего не оставалось, как с идиотской улыбкой последовать за ней. Автобус уносил нас к черту на рога, а мы говорили о какой-то ерунде, и я изо всех сил старался не потерять лицо и не предложить прервать это бредовое путешествие в никуда на ближайшей же остановке. Маршрут оканчивался в дремучем сосновом лесу, где автобус встал на отстой, водитель убрел в дежурку, и мы оказались совсем одни посреди небывалой глухомани. Отступать было некуда, я подал Еве руку, она с готовностью оперлась на нее, и мы двинулись в лес — наобум, куда глаза глядят. Толстые стволы сосен выстроились ровно и строго, как на параде, в побитых сухую и временем крошках путался ветер, под ногами шуршала палая хвоя и шелуха от шишек. Ева споткнулась о торчащий из песка корень и вторично оперлась о мою руку, свободной же рукой я придерживал ее за талию. Дальше — как водится...

О корень сосны узловатый
Споткнулась ты ненароком
И в руки мои упала...
Когда же сказала: «Довольно»,
Трухой уж была та сосна.

«Сними очки,— сказал я, отстраняясь, но продолжая держать ее в своих ладонях.— Хочу узнать, какого цвета твои глаза».— «Нетушки,— ответила Ева.— Фигушки вам, больно вы все скорые...» Она стояла на каком-то пеньке, и лицо ее было прямо напротив моего. Я потянулся, чтобы стащить с нее проклятые марсианские окуляры, и тогда она снова меня поцеловала, да так, что мне стало как-то не до очков.

Как мы выбирались из этой чащи — разговор особый. Автобус, разумеется, давно укатил, вероятно — напрямик в парк, где его помыли, почистили и поставили баиньки до утра. Завечерело, похолодало, откуда-то налетели комары, но мне нечем было укрыть Евины плечи, кроме собственных рук. И мы часа полтора молча брели по вымершему шоссе, не размыкая объятий, и казалось нам, что это шоссе ни с того ни с сего провалилось куда-то в архейскую эру вместе с нами, что мы никогда не доползем до его конца, так и сгинем в открывшемся вдруг временном провале, и что неясные огни на горизонте, которые, судя по всему, должны бы принадлежать городу, никакому городу не принадлежат, а суть иллюзия, мираж, фата-моргана... И лишь в первом часу ночи нас подобрал какой-то заблудший, как и мы, таксист, тоже совершенно одуревший от пустоты и одиночества. Тогда я впервые увидел, чтобы таксист обрадовался пассажирам, и он всю дорогу до Прозрачного говорил, говорил без умолку — то ли чтобы прогнать пережитые страхи, то ли чтобы просто успокоиться и не влипнуть в столб.

Невидимый в ночи,
Путник окликнул меня.
Наверное, с бродячим псом
Он заговорить готов,
Лишь бы не идти одному.

Ева молчала, держа меня за руку, и лучи от фар встречных машин отражались в ее непроницаемых очках и дробились искрами в проволочных волосах цвета самой непроглядной ночи.

Только что меня удостоили визита сильные мира того. Во главе делегации был директор парка. Судя по жлобской морде — работник ножа и топора, из мясорубов разжалованный за особую жестокость. Я не любил его заочно, потому что каким же нужно быть сквалыгой, чтобы довести вверенное хозяйство до такого жалкого состояния! Теперь же я его просто возненавидел. С ним была хрупкая моложавая дамочка, как видно — из потомственных пионервожатых, которая все время всплескивала ручками и сюсюкала. Кроме них, два дедушки: первый — желчного вида старикан в берете и уцененном пальтишке, второй — величественный старец, породистый, благообразный, с непокрытой пышной седой гривой, в кожане и с тростью. Старец курил трубку и ни на кого не глядел, а старикан морщился и брюзжал, поминая бег трусцой вкупе с виброгимнастикой. «Вот,— сказал директор и показал на меня пальцем. Мне сразу вспомнились собачонки с их заботами у моих ног.— То самое».— «Я, как общественность, неоднократно сигнализировал,— зашебаршил старикан.— Если все начнут устанавливать статуэтки где ни попадя... Слыхали, в Москве абстракционисты выставки без санкции творят. Вход, понимаешь, бесплатный, потому что парк, понравилось — покупай, не понравилось — иди мимо. И все без позволения! До чего же мы дойдем, если все, понимаешь, будут всюду ходить бесплатно и покупать что хочется!» Пионервожатая немедленно всплеснула ручонками и прощebetала: «Да, но искусство принадлежит народу, искусство и должно идти в массы, это подлинная самодеятельность, активная жизненная позиция!» Старец чадил трубкой и смотрел на меня с неприязнью. Похоже, он не только не видел, а и не слышал никого. «Смотря какому народу!» — завизжал старикан. «Искусство, это мы понимаем,— пробурчал директор.— Только хорошо ли, что тайком, без согласования с администрацией, в темном углу? Есть центральная аллея, там уже стоят женщина с веслом и футболист с мячом, пусть бы и его туда...» — «Женщина — это символ красоты и материнства,— брызгал слюной старикан.— Футболист — символ здорового тела со здоровым духом. А этот, понимаешь, чего символизирует, объясните мне, грешному?!» Пионервожатая всплеснула

ручками: «Это интеллигенция! Посмотрите, на нем джинсы и халат, ему в руки надо перфоленту или лучше штангенциркуль! Посмотрите, у него лоб наморщен, он думает, он решает проблему!» — «Это не халат,— мрачно сказал директор, который за его реализм был мне уже не так ненавистен.— Это плащишко болгарский за не помню сколько, у меня сын-десятиклассник таким побрезгует». — «Джинсы, проблемы...— заворчал старикан.— Влияние Запада, авангардизм, вот что мы видим. Думает он... Знаем мы, о чем эта интеллигенция думает. Как бы за границу рвануть, да там остаться, да лаять из подворотни, вот о чем она думает». — «Зато сколько экспрессии, какая точность детали!» — беспомощно заломила ручки пионервожатая, и мне стало ее жаль. Но тут заговорил старец. Он вынул трубку изо рта и прорычал густым сипловатым басом: «Я не знаю, как это назвать. Безвкусица, натурализм... Моя школа так не работает. Скульптура должна стать овеществленной мыслью, оконтуренной в камне или, если угодно, в гипсе. Одно касание резца способно передать идею, породить символ, если резцом движет рука мастера... Что это на нем? — вдруг загрохотал он, изо рта его валили клубы табачного дыма.— Ш-штаны?! Скульптура не может носить штаны, символ в штанах — это нонсенс! — Старец оборотился к директору, глядя на полметра поверх его головы.— Вы напрасно призвали меня сюда, молодой человек. Я не специалист в области народных промыслов. Я скульптор! Ваятель! И, как ваятель, воспринимаю это, с позволения сказать... не подберу подходящего слова при дамах,— как личное оскорбление, как надругательство над высоким искусством, как поношение традиций моей школы...» — «Как же без штанов...» — пробормотал старикан, но его никто уже не слушал. Директор и пионервожатая под руки уводили старца прочь от меня, уязвленного его эстетические чувства. Я тоже был оскорблен, но не мог за себя заступиться. Я не мог рассказать ему хотя бы о том, что вчера сюда приходила девочка-художница с мольбертом и полдня рисовала голые деревья в осеннем парке и меня в центре холста. Я просто убежден, что она поместила меня в центр! Девочка мерзла, пила кофе из термоса, курила, ненадолго отлучалась погреться, но

героически рисовала унылый холодный пейзаж и меня — как средоточие всех скорбей и печалей этого мира...

Я бессильно смотрел на старикана, который что-то бухтел себе под нос, непрерывно чихал, кашлял и сморкался.

Потом и он ушел.

Зато на асфальтовой тропинке появилась очень мне знакомая фигура. Даже в простеньком замшевом пальто, давно вышедшем из моды, она выглядела манекенщицей из салона фрау Бурда. И беретик на черной туче ее волос смотрелся как корона наследной принцессы.

Я ждал ее. Не верил, что она придет, а все ж таки ждал. Но, кроме шуток, зачем она пришла?

Только зеленые юнцы да читатели амурной прозы могут всерьез полагать, будто после того вечера, что мы с Евой провели в лесу, немедленно последует объяснение в любви, герои падут друг дружке в объятия и никогда более не расстанутся. Ни черта подобного! Весь остаток недели я вообще Евы не видел, потому что грянула ревизия, и на наши головы пролился водопад всех забот и проблем, о которых мы до сих пор и думать не хотели. Я зарылся в какие-то провонявшие мышами, усыпанные свалывшейся пылью пачки документов, что остались от моих предшественников чуть ли не от начала времен, и было мне вовсе не до флирта, как легкого, так и тяжелого. Где-то к восьми вечера я вылезал из своих завалов и, ничего вокруг не замечая, катил домой. Но и дома перед глазами плясали какие-то цифры, в мозгу осиновым колом засели идиотские словечки типа «сальдо-бульдо», «статья расхода» и почему-то «эмерджентность». Ночью мне снилось, что я вырожденная матрица, которую неведомые злые силы во что бы то ни стало хотят предать обращению... Лишь однажды, на бегу, мне довелось увидеть Еву: она стояла на знакомом пятачке и курила. Плюньте мне в лицо, если я испытал всплеск нежных чувств в этот момент! Я просто подумал: «Чем они там, в своем отделе, занимаются, едрена вошь!»

Но ревизии подобны смерчу, о каких в последние годы активно вещают наши газеты: налетят, все перевернут вверх дном, а когда кажется, что пришел конец света, внезапно сгинут. Некоторое время мы были заняты зализыванием ран, а потом жизнь встряхнулась и двинулась своим чередом.

Один мой старинный друг как раз в этот период очень удачно поменял квартиру. От такого события ему стало настолько хорошо, что он пригласил меня в гости. Я прихватил Еву. Мы продрались сквозь лужи и слякотные валы, закрывавшие доступ к новостройкам улучшенной планировки, вывозились в грязи, но цели достигли. Несмотря на внешнюю сдержанность, Ева мгновенно, чуть ли не с порога, угодила в фавор друговой жене. То ли та не видела в ней конкурентки — у них уже было трое детей, а от такого наследства не всякий отважится уйти на алименты, то ли очень уж ей хотелось женить меня и навсегда списать со счетов... Мы четверо сидели вокруг стола чуть ли не на картонных коробках, ели что бог послал, пили что придется и собственной кожей чувствовали, что все люди — братья. После того, как порог мотивации наших поступков сильно понизился, над столом запорхали анекдоты весьма откровенного содержания. Особенно резвилась женушка. «У-у, Сэнди!» — тянули из японской акустики старые добрые «Карпентерз». Друг пригласил Еву. Я подхватил его половину. Трое детей не шутка для женщины, и я не сразу обнаружил, что рука моя лежит не на талии, как предполагалось, а существенно ниже, но моя партнерша этого вообще не заметила. Я прослушал еще один пряный анекдот о том, как встретились треска и стерлядь, и краем глаза посмотрел, как друг ищет предлог, чтобы стянуть с Евы очки, а она ловко, умело отбивается. Мелодия сменилась, мы немного попрыгали, как молодые архары, затем я ушел на балкон, чтобы проветриться и подождать Еву. Я проторчал там, как болван, с полчаса, но она не пришла. Наша игра отчего-то поломалась. Дуэль была прервана ввиду отсутствия дуэлянта. «Это еще что за бунт на корабле?» — подумал я и вернулся в комнату. Хозяйка дома увлеченно, с массой живописных подробностей рассказывала Еве, как она рожала первого и носила второго, а Ева вставляла реплики,

из которых следовало, что и ей не чужда эта проблематика. Елки зеленые, только сейчас я подумал, что ничего о ней не знаю, кроме того, что на данный момент она свободна и живет в Прозрачном. А вдруг у нее тоже трое детей?.. Ответственный квартиросъемщик уже спал, сидя в кресле под торшером. Я переместился на его место поближе к Еве и терпеливо выслушал историю о том, как другова жена рожала второго и мгновенно понесла третьего. Меня все это начинало злить, клонило в сон, и вообще я хотел бы уйти отсюда с Евой, поймать такси, пока они еще работают по обычному тарифу, и увезти ее к себе домой. Я нашарил под столом чью-то ногу и бережно наступил. Ева продолжала улыбаться как ни в чем ни бывало, зато хозяйка выстрелила в мою сторону взглядом такого калибра, что я сразу понял, какие Ньютоновы силы держат моего друга подле этой толстухи. Вечер непринужденно перешел в ночь, мы дули кофе, курили и обсуждали акушерскую тематику. Спать мне расхотелось, а взамен слегка прихватило сердце, и я решил для себя, что вряд ли когда-нибудь еще отважусь на такие бдения и что нужно как-то форсировать события или даже уйти одному, бросив эту бесчувственную кокетку здесь, коли ей так близка проблема повышения рождаемости... В шесть утра я так и поступил. «Пожалуй, двинусь», — сказал я, поднимаясь. Друг мирно дрых в кресле, раскинув конечности на полкомнаты. Ему можно было только завидовать. «Ой, и я тоже!» — встрепенулась Ева. «Ведьма», — подумал я. У меня даже злость на нее иссякла.

...Я устал таиться за травянистым бугорком, затекли ноги, непривычные подолгу бездействовать. И я с наслаждением выпрямился. Напея вскинулась, будто вспугнутая птица. То ли впрямь испугалась, то ли сделала вид. Мы застыли друг против дружки, как охотник и жертва. Кто был кем? Порыв ветра взметнул золотые кольца напеиных волос, бесстыдно нырнул к ней в хитон и приподнял легкую ткань над бедрами... Я сделал шаг вперед. Напея отступила. Мы снова были разделены прежним

расстоянием. Ворох сорванных цветов медленно сыпался из разведенных рук напеи, которая забыла о своем букете и только следила за каждым моим движением. Это был ее луг, она была тут хозяйка, а я всего лишь гость, вторгшийся без приглашения. Я мог достичь ее в четыре прыжка... если она позволит мне их сделать. Травяные стебли могут оплестись вокруг моих ступней, невидимый камешек — распороть мне пятку, какая-нибудь скрытая до поры яма — запросто переломить угодившую туда ногу. Но я не собирался уходить, не стоило тогда полдня красться по этому лугу, припадая к земле, прячась за каждую кочку. Мне нужна была напея, как нужны были все наяды, дриады, лимнады, что жили окрест. Я не мог без них, в этой бесконечной охоте состояла моя жизнь, и сейчас, несмотря ни на что, я хотел все же остаться охотником, а не жертвой.

У напеи были огромные черные глаза, как у лани, и маленький, будто нарисованный, рот. И золотые волосы, каких я не видел еще ни у одной нимфы, волосы светлее смуглой напеиной кожи. Мне хотелось запустить пальцы в это золото, гладить и ласкать его, мне почему-то казалось, что оно должно быть горячим, как само солнце, даровавшее ему свои цвета. А еще у напеи были тонкие сильные руки и длинные ноги, которые наверняка умели быстро бегать.

И я прыгнул к ней очертя голову, забыв обо всех опасностях, потому что иначе нельзя, ничего не достичь в этой охоте иначе. Напея понеслась прочь, она летела над травами, подолгу застывая в воздухе и едва касаясь земли кончиками пальцев ног; никто в этом мире не бегал так легко и красиво, как она, разве что спугнутые олени, с которыми она была в родстве; ее хитон развевался белыми крыльями, и видно было, что он мешает ей, сковывает ее бесподобный бег, и напея сорвала его с себя; теперь ей ничто не мешало, и она парила в струях ветра, одетая только в гладкую упругую кожу, но я все же догонял ее, потому что она так и не пустила в ход свои чары, как и я не прибег к своему колдовству; это была честная охота, сила на силу, ловкость на ловкость; и когда я уже настиг ее, опрокинул в траву, запустил пальцы в ее золотые волосы, ощутил своей кожей ее кожу, и мы

покатились по земле, сплетаясь и расплетаясь, словно две змеи, — я успел еще подумать, что после скажу ей, как божественно она бежала; а потом я уже ни о чем не думал...

Мы трогательно распростились с хозяйкой, и я пообещал, что непременно приду послушать о том, как она понесет и родит четвертого. Она зарделась, и я понял, что ждать осталось недолго. Мы вышли в утреннюю прохладу, под светлое небо в разбредающих облаках. «Ну что? — спросила Ева. — Так ждал, так надеялся, и ничего не обломилось?» — «Ты напрасно злишься. Ревизия — дело ответственное. Это моя работа». — «При чем здесь ревизия?» — «А за что ты меня так?..» — «Как — так?» — «Я ни в чем перед тобой не виноват». — «Ты уверен?» — «Абсолютно». Мы несли эту дребедень, брели неизвестно куда, через какие-то разбитые колесами самосвалов колеи, незакопанные, полные дождевой воды траншеи, руины деревянных построек и панельные недоноски современных кварталов. Я никогда не бывал в этих местах и уже не представлял, куда мы в конце концов выйдем, но надеялся, что все дороги ведут к автобусным остановкам или на худой конец в салон таксомотора. «Мне очень хочется знать, — сказала Ева, — как ты видишь наши дальнейшие отношения». Я глупо улыбнулся. Мы вступили под кроны деревьев, но это был не лес, а какой-то жутко захламленный парк, возможно даже — культуры и отдыха. «Мы будем дружить», — сказал я с воодушевлением. «Ты всегда называешь это дружбой?» — спросила Ева. «Что — это?» — «Ну, то, чего ты от меня ждешь?» — «Евушка, я ничего от тебя не жду. Я за самоопределение. Если ты решишь, что нам достаточно время от времени гулять по лесу или по такому вот занюханному парку, держась за руки, я приму это. Но, как ты сама догадываешься, без особой заинтересованности. Если же ты захочешь большего — я обеими руками проголосую за. С детства, знаешь, не верю в дружбу между мальчиками и девочками. Скучное это дело — дружба с девочкой...» — «Ты себе противоречишь». — «Я действительно называю дружбой то, что может между нами состояться. А то, что все прочие на-

зывают дружбой, я считаю фикцией». — «Но это не дружба...» — «Конечно. Просто иного подходящего термина, кроме тех, что употребляет твоя недавняя собеседница по вопросам фертильности, я не подберу». — «Термин «любовь» не годится?» — «Только в качестве эвфемизма». — «Любовь — не эвфемизм. Любовь — это любовь. Она либо есть, либо ее нет. И называть любовью отсутствие любви подло». — «Согласен. И потому я называю это дружбой». — «И на какой почве мы будем дружить?» — «То есть?» — «Друзья сходятся на общих интересах. Детские воспоминания, институтская скамья, спорт, хобби. Потом это перерастает во взаимную приязнь, уважение, невозможность долгое время быть порознь. Разве не так?» — «Похоже на истину». — «У нас с тобой ничего этого нет. Мы чужие друг другу. Тебе даже не за что меня уважать». — «Отчего же...» — «Но ты меня просто не знаешь! А вдруг я воровка или фарцовщица?» — «Это невозможно! Впрочем, я действительно не знаю тебя». — «Значит, мы не можем с тобой дружить. У нас нет ничего общего!» — «Мы подружмся с тобой на почве взаимного физического влечения. По-моему, это нас объединяет». — «Это не дружба! Это уже из области любви, но ты меня не любишь!» — «Не люблю. Но, может быть, еще не все потеряно?» — «Не все. Но половина — это уж точно. То, с чего ты хочешь начать, в любви допускается где-то к середине». — «Это условности. Пережитки буржуазной морали. Ты что, голубка, серьезно? Не похоже на тебя...» — «Откуда ты знаешь, что на меня похоже, а что нет? Если мы начнем с середины, забыв о начале, то затем сразу наступит финал, ты понимаешь? И ничего не будет. Это неизбежно!» — «Дичь какая-то. Что же, я обязан некоторое время дарить тебе цветы, провожать тебя домой, долго стоять под твоими окнами, писать тебе орошенные слезами умиления письма?!» — «А что же? И должен. И я должна. Иначе ничего у нас не выйдет». — «Ну, знаешь... Мотаться за тобой в Прозрачный — неблагодарное занятие! Письма писать я тоже не мастер, вот докладные и служебные — это сколько угодно. Кстати, сколько человеко-дней я должен буду затратить на это «начало»? Может быть, составим график? Примем повышенные обязательства, встречные планы?

Я готов даже на сверхурочные, а за выходные полагается двойная компенсация...» — «Не паясничай... То, чего ты хочешь немедленно, в любви не главное. Вообще к любви не имеет никакого отношения. Просто любовь дарит этому занятию недостающую ему чистоту...» — «Прекрасные слова. Хотя теперь ты сама себе противоречишь. Еще недавно ты относилась к действию к атрибутике любви. Но, знаешь ли, нет времени на прелюдии. Жизнь коротка, надо многое успеть. Да и стояние под твоими окнами в Прозрачном сулит мне лишь то, что на работу я приду не выспавшись. А мне по штатному расписанию надлежит иметь ясную голову. И потому давай расставим акценты. Я предлагаю тебе дружбу. Ты предлагаешь мне любовь. Возможны ли компромиссы? Или мы называем разными именами одно и то же?» — «Не знаю...» — «Тогда поедем ко мне домой и обсудим эту проблему в комфортных условиях. А то я что-то озяб в этом плащике, да и у тебя носик неестественного цвета». Ева остановилась. Я тоже. Мы забрели куда-то в заросли непуганого мокрого бурьяна, и ногам моим было мерзко и сыро. Подол синего Евиного платья потемнел и прилип к ее коленям. «Не поеду я к тебе, — сказала она. — Какие там компромиссы? Ох и здорово же у вас всех получается прятаться за словами!» — «Зачем же обобщать? — сказал я раздраженно. — Не хочу хвастать, но ты у меня не первая, и со всеми твоими предшественницами я сохранил дружеские отношения». — «Я у тебя никакая. Ты не успел занести меня в список своих подруг». — «Послушай, у меня возникло одно страшное подозрение... Мне даже неловко его высказать. Если у тебя такие взгляды... Быть может, ты вообще девочка?» — «Нет. Я всего лишь дочь морского бога». Я засмеялся. «Любопытно. И сколько же тебе лет?» — «Пять тысяч». — «И ты все это время ищешь любви?» Я положил руку на ее плечо, дотронулся пальцами до тонкой мраморной кожи на шее. «Ладно, богиня, — сказал я. — Нынче же напишу тебе письмо, а в понедельник приволоку на работу охапку гладиолусов и вывалю тебе на стол. Едем ко мне, а?» Она помотала головой. Из-под черных стекол текли слезы. «Да черт же побери! — рявкнул я. — Дадут мне наконец посмотреть, какие у тебя глаза?!» —

«Не смей,— сказала она, всхлипывая.— Ты же не любишь меня».— «Это что, у тебя такое табу?» — «Предрассудок. Пережиток буржуазной морали...» — «Ну уж нет. Желая видеть!» — «Что ты пристал? — Она оттолкнула мою руку.— Заладил одно и то же: «Гюльчатай, открой личико...» Не крокодил, говорят тебе. Живи спокойно. Ищи новых друзей».— «Это дело принципа»,— сказал я и ухватился-таки за ее очки. «Ну, как знаешь...» — промолвила она устало.

У нее были невероятные глаза. Большие, удлинённые, с необычными золотыми зрачками в окаймлении темно-янтарной радужки. Они мерцали — не то от слез, не то от невидимого мне звездного света. Они сияли, вбирая в себя замызганный парк, и весь промозглый утренний мир, и меня заодно.

«Господи, да ты и впрямь дочь морского бога!» — сказал я и привлек ее к себе.

Вернее, хотел сказать. Хотел привлечь.

Потому что внезапно ощутил, что не могу пошевелиться.

«Прощай, сатириск,— произнесла Ева печально.— Ты был хорош. Ты старался изо всех сил. Молоденькие нимфочки не устояли бы. Но меня зовут Эвриала».

Она уходила прочь. А я даже не мог окликнуть ее, закричать, просто заплакать. «Вот тебе, бабушка, и вакханалии»,— подумал я.

Все это ерунда. Я давно уже свыкся со своим положением. Мне было плохо лишь в первые сутки. Очевидно, изменение образа жизни влечет и быструю перестройку образа мыслей. Я не испытываю никаких неудобств. Мне хорошо и спокойно тут стоять. Поза естественная, выражение лица самое натуральное. Между прочим, одежда тоже окаменела, за что я чрезвычайно признателен Еве. Было бы крайне неприятно, если бы она об этом не позаботилась. Мои шмотки скоро истлели бы под дождем и снегом, и торчать бы мне нагишом, бросая вызов общественному мнению. А так все прилично. Нет, что ни говорите, взгляд горгоны — могучее оружие. Зря мы, сатиристики, его недооцениваем.

Я не питаю к ней ненависти. В конце концов она лишь по-

квиталась со мной за обиды всех женщин. Хотя не думаю, что женщины ее на то уполномочили. Вряд ли они сами, по крайней мере те, с кем я имел дело, считают себя обиженными. Я не навешивал им иллюзий, а значит — и разочарования были невелики.

Ударила меня!
Думаешь, больно мне?
Из рук твоих
Наказанье любое —
Подарок небес.

Досадно только, что я не в состоянии довести до остальных сатирисков, что в одной небольшой конторке в шесть комнат, в отделе вторичной информации работает старшим инженером милая женщина, хорошо сложенная и производящая впечатление легко доступной. У нее странная прихоть — носить не снимая непрозрачные черные очки. И женщину эту следует всемерно избегать. Время диктует свои поправки, и она рассталась с прической из ядовитейших змей, как и мы, сатиристики, с рожками, но взгляд ее по-прежнему в силе.

Я многое передумал, прозябая в этом уголке безлюдного парка. Время и покой сделали свое дело. Сейчас я уже не спешил бы так к легкому успеху. В любви к женщине все же что-то есть... Это долгий путь от небытия, от неведения — к полному единению двух людей. Его нужно пройти шаг за шагом, не суетясь, не рыская по сторонам, не сбиваясь на обходные тропки. Это удовольствие, которое нужно растягивать, испытывать, вбрасывать всем своим существом. Наверное, это добавок ко всему и счастье.

Ева все чаще навещает меня. Она не приближается настолько, чтобы я разглядел ее лицо. Пройдется туда-обратно по асфальтовой дорожке, задержится в беседке, и снова ее нет. Она всегда одна, и я рад этому. Видно, ее что-то зовет сюда. Я благословляю ее, в мыслях моих в такие минуты кружится и переливается всеми оттенками радуги ее имя: «Эвриала... Эвриала...»

...Мы шли в тени деревьев, цветущими кустарниками и травами, но точно так же мы могли идти через тернии, через потоки грязной воды с гор, сквозь пламя и дым, ничего не замечая вокруг; для нас не существовало теперь никого, кроме нас самих, и мы не расцепили бы рук, даже если бы захотели, не могли бы разорвать касание наших плеч и бедер, если бы в наши головы пришла эта дикая мысль; сейчас мы были одно целое, и птицы пели только для нас, хотя мы не слышали их пения, а слышали единственно учащенный ритм наших сердец, и солнце светило только для нас, и луна, и звезды, и весь мир был наш, и останется нашим всю ту мимолетную вечность, куда мы вместе...

...Мы шли в тени деревьев, цветущими кустарниками и травами, но точно так же мы могли идти через тернии, через потоки грязной воды с гор, сквозь пламя и дым, ничего не замечая вокруг; для нас не существовало теперь никого, кроме нас самих, и мы не расцепили бы рук, даже если бы захотели, не могли бы разорвать касание наших плеч и бедер, если бы в наши головы пришла эта дикая мысль; сейчас мы были одно целое, и птицы пели только для нас, хотя мы не слышали их пения, а слышали единственно учащенный ритм наших сердец, и солнце светило только для нас, и луна, и звезды, и весь мир был наш, и останется нашим всю ту мимолетную вечность, куда мы вместе...

СОДЕРЖАНИЕ

Оти двое. Повесть	3
Звездное око. Повесть	33
Балумба-Макомбе. Рассказ	79
Совершенно, то есть абсолютно невероятная история. Рассказ	84
Дочь морского бога. Рассказ	88

Евгений Иванович ФИЛЕНКО
ЗВЕЗДНОЕ ЭХО

Ответственный за выпуск **В. Кирюшин**
Редактор **А. Вершинский**
Художественный редактор **Г. Комаров**
Технический редактор **Н. Александрова**
Корректоры **И. Ларина, Н. Овсяникова**

Сдано в набор 06.04.88. Подписано в печать 02.09.88. А 01139. Формат 70×108 ¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Условн. печ. л. 4,9. Усл. кр.-отт. 5,42. Учетно-изд. л. 5,5. Тираж 75 000 экз. Издат. № 80. Заказ 8—171. Цена 35 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Суцеская ул., 21.

Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

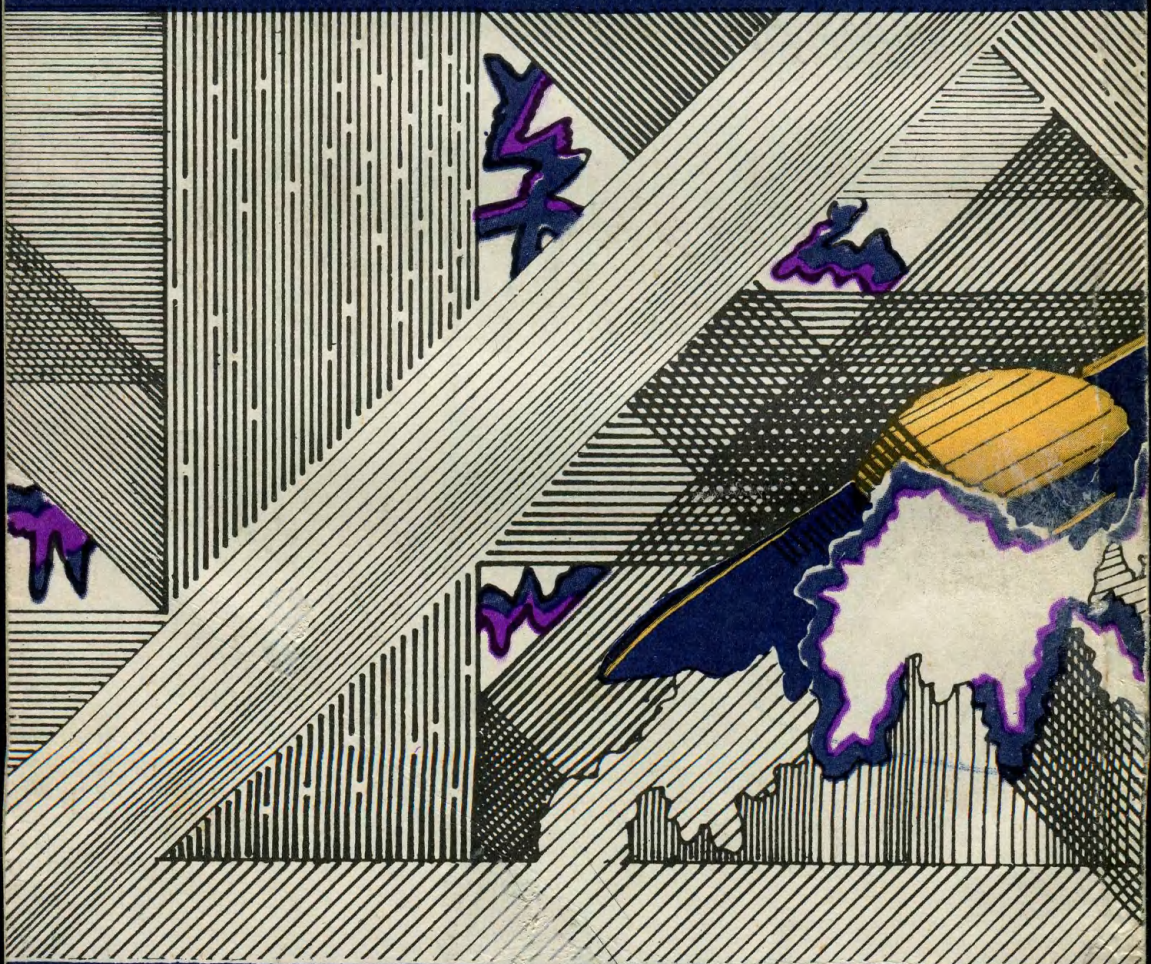
Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

35 коп.

Молодая гвардия

Библиотека
журнала
ЦК ВЛКСМ

**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ**

1988

Евгений ФИЛЕНКО

ЗВЕЗДНОЕ ЭХО

